

БАССАМ СА'И

ЧУДЕСНЫЙ
ЯЗЫК
КОРАНА

*Свидетельство
Божественного
происхождения*

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Bassam Saeh

THE MIRACULOUS LANGUAGE OF THE QUR'AN

Evidence of Divine Origin

London • Washington
The International Institute of Islamic Thought
2015

Бассам Са'и

ЧУДЕСНЫЙ ЯЗЫК КОРАНА

*Свидетельство Божественного
происхождения*

Санкт-Петербург
Издательство «Петербургское Востоковедение»
2022

УДК 297.18
ББК 86.38-2

*Книга издается под патронажем
Института интеграции знаний*

Научный редактор — Т. А. Гасанов
(Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена)

**Бассам Са'и. Чудесный язык Корана. Свидетельство
Божественного происхождения / пер. с англ. Ю. Ко-
сенко. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. —
160 с.**

С 12 На протяжении истории мусульманские ученые много пи-
сали как об эстетических элементах чудесного языка Корана,
так и об иных литературных особенностях, содержании и по-
разительных научных айатах. Однако никто еще не пытался
осветить то, что автор определяет как тайный аспект корани-
ческого языка, о котором мусульмане почти не задумываются,
воспринимая Откровение как нечто привычное и давно зна-
комое.

Этот тайный аспект заключается в следующем: хотя Коран
и был ниспослан на арабском языке, но это был новый араб-
ский язык — удивительный для арабов, услышавших его впер-
вые.

Исследование того, в чем заключалась эта новизна, и явля-
ется целью данной книги.

*Взгляды и мнения, выраженные в данной книге, принадлежат
автору и могут не совпадать с мнением издателя.*

ISBN 978-5-85803-586-2

ISBN 978-5-85803-586-2

9 785858 035862

© Институт интеграции знаний,
издание на русском языке, 2022
© The International Institute
of Islamic Thought, издание
на английском языке, 2015

Содержание

Предисловие	7
Введение	11

ЧУДЕСНЫЙ ЯЗЫК КОРАНА

Свидетельство Божественного происхождения

Вступление	16
Чудо или простая гениальность?	22
Что означал термин <i>и'джаз</i> ('чудесность') для ранних мусульманских мыслителей?	25
Влияние новаторства Корана на арабов времен Пророка	30
Подлинный масштаб чудесности, проявленной в лингвистической новизне Корана.	32
Чудесная частота коранических инноваций. . .	34
Ошеломляющее воздействие новой ритмиче- ской структуры на арабских слушателей Корана	36
Машина для путешествия в прошлое	38
Три словаря: коранический, доисламский и про- роческий.	41
Новая лингвистическая революция	42
Индивидуальный характер коранических сур	45
Накладываются ли друг на друга особенности различных сур?	47
Уникальный характер Корана	49

Новая лингвистическая формулировка	55
Большинство лингвистических форм Корана не повторяется	56
Уникальные по интенсивности коранические конструкции	59
Коранические языковые шаблоны: их природа и композиция	64
«Сочините хотя бы одну суру, подобную этим», [Коран, 10: 38]	69
Новизна в конструкциях и выражениях.	73
Отдельные слова и чудесное сочетание новиз- ны и ясности	77
Важность новых терминов, находимых в Ко- ране	78
Реконфигурация лингвистической единицы . .	90
Новое расположение традиционных союзов и связок.	93
Новые отношения между словами	96
Новый коранический репертуар образов.	99
Илтифат: уникальное лингвистическое искус- ство Корана.	106
Открытый язык.	117
Примечания	135
Приложение. Таблицы	139
Избранные источники	153

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мусульмане, как и все остальное человечество, облагодетельствованы возможностью «читать» и созерцать послание Корана, а также размышлять над происхождением его в качестве Божественного Откровения. В настоящем исследовании автор постарался прояснить многие чудесные языковые аспекты священного текста, а также показать, почему его красота и совершенство стали поистине новым и удивительным явлением для жителей Аравии VII в., которые с восхищением внимали Пророку Мухаммаду (САС) ¹, впервые произносив-

¹ САС — Салла-л-Лáху ‘алáйхи ва саллам — ṣallā lla-hu ‘alayhi wa sallam — «да благословит его Аллах и да приветствует!». Эта формула произносится в исламе при упоминании имени Пророка Мухаммада, а также во всех случаях, когда речь идет о нем как о Пророке и Посланнике Аллаха, даже без упоминания его имени. В различных источниках употребляются фразы «Пророк ислама», «Посланник Аллаха», «Пророк» и другие, после которых, выражая свое глубочайшее уважение и повинаясь велению Аллаха, мусульмане произносят эти слова. Такая традиция сохранена и в данной книге. Основанием для этого служит предписание Аллаха: «Поистине, Аллах и его Ангелы благословляют Пророка! О вы, которые уверовали! Призывайте на него благо-

шему коранические айаты. Будучи носителями арабского языка и арабской поэтической традиции, они, в определенном смысле, были подготовлены к восприятию Корана, и их впечатление говорит о многом.

Да, Откровение прекрасно само по себе. Но уникальность Корана, разумеется, не ограничивается одной лишь красотой. Без преувеличения, гениальность языка, утонченность, ритм, богатая образность, плавность, обилие метафор и концептов, невиданное доселе разнообразие стилей и техник прозы наряду с удивительным богатством его словаря — все эти качества навеки сделали Коран примером совершенства. Он сразу же оказал огромное влияние на интеллект и поведение человека, преобразив арабский язык и привнеся в сознание людей чудесное видение, направив их внимание к высшим ценностям. Осветить и объяснить некоторые из этих особенностей — основная цель данной работы. Немало размышляя над этой темой, автор сосредотачивается на вопросе: что же именно делает Коран чудесным с точки зрения языка?

Эта книга является переводом на русский изданного на английском языке сокращенного оригинального арабского труда под названием *Ал-Му'джиза* («Чудо»). Она адресована широкому кругу читателей, поэтому понимание вопросов морфологии и других обсуждаемых языковых нюан-

словения Аллаха и приветствуйте искренним, достойным приветствием» [Коран, 33: 56] (*примеч. ред.*).

сов возможно и без уверенного владения арабским языком. И все же умение читать по-арабски было бы полезным, а то и необходимым. Стараясь раскрыть секреты коранического языка и особенности композиции, Бассам Са'и помогает читателям оценить красоту Корана, воспринять его на более глубоком уровне и лучше понять его структуру и ритм. Уделяя особое внимание суре «Закутавшийся» (сура 74) для подкрепления своего анализа, он привносит Откровение в жизнь, демонстрируя, что каждая сура имеет свои отличительные черты и особенности, которые обеспечивают ее уникальность и одновременно вписывают в общее целое.

Никакое толкование само по себе не может быть достаточным для полного постижения Корана. Однако эта книга может стать незаменимым спутником в стремлении к лучшему пониманию и обретению большей близости к священному тексту. В качестве перевода (смыслов Корана) в данной книге используется главным образом «Послание Корана» Мухаммада Асада, а также «Значение Священного Корана» 'Абдаллаха Йусуфа 'Али ². Даты, приводимые в соответствии с исламским ка-

² Речь идет о переводе книги автора на английский язык, с которого, в свою очередь, выполнен перевод на русский язык. В русскоязычной версии используется перевод смыслов Корана, выполненный Э. Р. Кулиевым. Когда автор сравнивает два различных английских перевода между собой, дополнительно используется перевод И. Ю. Крачковского (*примеч. ред.*).

лендарем (по хиджре), сопровождаются отметкой «г. х.», а соответствующие григорианскому календарю, как правило, приводятся без сопроводительных отметок³. Арабские слова, кроме тех, которые стали общеупотребительными, выделяются курсивом. Диакритические знаки добавлены только к тем арабским именам, которые не считаются современными⁴.

³ В современном российском научном исламоведении считается общепринятым, когда первая дата приводится по исламскому лунному календарю, т. е. по лунной хиджре без каких-либо дополнительных указаний, а через слеш приводится эквивалентная ей дата по григорианскому календарю, также без дополнительных указаний. Этот же принцип соблюден и в настоящей книге (*примеч. ред.*).

⁴ В русскоязычном издании данной книги для передачи арабских слов используется система, основанная на практической транскрипции И. Ю. Крачковского. Звук, передаваемый буквой *айн*, обозначается символом «'», хамза в начале слова не обозначается. Звук, передаваемый арабской буквой *лам*, обозначается буквой *л* без мягкого знака. Васлирование передается дефисом (*примеч. ред.*).

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Мы знаем только то, чему Ты научил нас.
Воистину, Ты — Знающий, Мудрый [2: 32]

ВВЕДЕНИЕ

Непогрешимость Корана

Тот факт, что Коран является литературным шедевром, не подлежит сомнению. Столь же бесспорны несравненное совершенство его языка, стиля, красноречия и сила воздействия, с которыми жители Аравийского полуострова VII в. не сталкивались ни ранее, ни впоследствии. Однако вопрос чудесного происхождения Корана по-прежнему остается предметом дискуссии. Его можно переформулировать так: является ли Коран произведением этого мира или же мира Божественного? Доказательства последнего обнаруживаются на разных уровнях знания и лишь укрепляются по мере развития человечества и в ходе многовекового исследования текста Откровения. Однако в данной работе нашему вниманию представляются отдельные малоизученные элементы коранического текста, свидетельствующие о чудесной природе его языка и о его Божественном происхождении.

Разграничение коранического языка и творений человеческого гения позволяет еще раз подчеркнуть тот факт, что Пророк был лишь каналом для донесения окончательного Послания Бога и что даже наиболее одаренные умы или исключительно талантливые литераторы, ораторы и поэты не смогли бы произвести ни единой главы, «похожей на него» [10: 38]. Этот уверенный призыв доказать ложность коранического текста является не только интеллектуальным воззванием и открытым вызовом критикам — он также привлекает внимание к исключительной важности дедуктивной логики, на столетия опережая в этом свое время. Наконец, поражает та удивительная простота, с которой преподносится этот величайший из всех вызовов.

Каков же был ответ? В связи с этим кораническим вызовом следует отметить два важных факта, которые прошли испытание временем и остаются острой проблемой для тех, кто признает литературные достоинства Корана, но не готов согласиться с его Божественным происхождением. Оба этих факта являются неотъемлемой частью любых дискуссий, но нередко игнорируются критиками:

1. В более чем шести тысячах коранических аятов не было обнаружено ни единой ошибки, несмотря на активные усилия по их поиску.
2. Неоднократно предпринимавшиеся попытки создать похожий текст вплоть до настоящего времени были в высшей степени тщетны — некоторые из них были откровенной на-

смешкой над Пророком, а иные предпринимались ведущими авторитетами в области арабской словесности (нужно помнить, что эпоха Пророка была периодом наибольшего расцвета арабского языка).

В данном случае мы не просто обращаемся к языку, ведь даже после бесчисленных прочтений было бы крайне трудно определить какой-то один фактор, придающий Корану его неповторимость. Одной из уникальных особенностей Корана является его неподражаемость, и именно языковой аспект этой неподражаемости анализируется в настоящей работе. Таким образом отмечается один из аспектов Божественного авторства Корана и, следовательно, присущая ему чудесность, понимание которой позволяет глубже понять самую сущность послания Корана. Установка на моральную добродетель и искреннюю веру, идеи, перспективы и мир, в который Коран погружает человека, — те фильтры самооценки, посредством которых Коран призывает человека оценивать свои действия и самые их мотивы, — все это крайне важно для развития бдительности в понимании действительности и осознании нашего места в мироздании, а также Судного дня, который ожидает нас после того, как иллюзии этой жизни и всякого физического существования исчезнут без следа.

На протяжении истории мусульманские ученые много писали об эстетических элементах чудесного языка Корана, как и об иных литературных особенностях, содержании и поразительных

научных айатах. Однако, согласно автору, никто еще не попытался осветить то, что он определяет как тайный аспект коранического языка, о котором мы почти не задумываемся, воспринимая Откровение как нечто привычное и давно знакомое. Этот тайный аспект заключается в следующем: хотя Коран и был ниспослан на арабском языке, но этот арабский язык был *новым*, удивительным для арабов, услышавших его впервые. Исследование того, в чем заключалась эта новизна, и является целью данной книги.

Таким образом, первые поколения мусульман отзывались на слова, звуки и ритмы Корана в манере, свидетельствующей о более глубокой оценке его красоты и величия. Современный же человек, убаюканный кажущейся привычностью Откровения, бывает неспособен испытать эти чувства, несмотря на обилие окружающих нас словарей и научных трудов. Автор намеревается устранить эту завесу и позволить читателям по-новому взглянуть на Коран и некоторые из его чудес.

Хотя чудесный язык Корана был безоговорочно принят мусульманами, тем не менее систематического исследования, подтверждающего эту веру посредством методического анализа его языка, насколько известно автору, еще не было принято. Таким образом, сравнивая язык Корана с языком доисламской поэзии, словами Пророка (хадисами) и языком арабов прошлого и настоящего, автор намеревается доказать, что лингвистическая чудесность Корана в значительной сте-

пени обусловлена тем, что его арабский язык был абсолютно новым.

Предпринятое исследование эмпирическим путем доказывает, что арабы не знали такого языка до ниспослания Корана и не смогли воспроизвести его впоследствии. В то же время язык Пророка, несмотря на его красноречие, был усвоен и неоднократно имитировался, ведь, как бы то ни было, это был язык человека — и одним из печальных последствий этого стало появление огромного количества поддельных хадисов. Такого никогда не случалось и никогда не случится с Кораном, и это еще одно свидетельство того, что Коран является словом Бога.

إِنَّا نَحْنُ نَزَّلْنَا الذِّكْرَ وَإِنَّا لَهُ لَحَافِظُونَ

Воистину, Мы ниспослали Напоминание,
и Мы оберегаем его [15: 9]

Лондонский офис МИИМ

ЧУДЕСНЫЙ ЯЗЫК КОРАНА

Свидетельство Божественного происхождения

Вступление

Все началось в 1989 г., когда Оксфордский Центр исламских исследований попросил меня прочитать несколько лекций британским студентам, желающим лучше понять арабский язык посредством изучения Священного Корана. После попыток перевести для моих студентов смыслы Корана на английский я обнаружил, что их сложные вопросы выводят меня за рамки лингвистических традиций и условностей, привычных для переводчиков и лингвистов.

В то время я как раз редактировал одну андалузскую книгу совместно с британским востоковедом и коллегой из Восточного института при Оксфордском университете. Однажды мой друг спросил меня: «Как будет правильно по-арабски: *ма зала* (ما زال) или *ла зала* (لا زال)?» Не особо задумываясь, я ответил: «*Ма зала*». После некоторого обсуждения, однако, он настаивал на том, что правильно будет *ла зала*, тогда как я настаивал на

том, что правильно будет *ма зала*. В конце концов он поразил меня, сказав: «Что ж, тогда ошибаетесь либо вы, либо Бог! Ведь в Коране употребляется только *ла зала*!»

На какое-то мгновение я потерял дар речи. Затем я сосредоточился и, в свою очередь, спросил его: «А как бы вы перевели глагол *кана* на английский?» «Был», — ответил он без колебаний. «Если это так, — продолжил я, — то как бы вы тогда перевели следующую фразу из Корана: *ва кана-Ллаху гафуран рахиман*?» «И Бог (есть) Прощающий, Милосердный», — ответил он уверенно, как и прежде. «А где же глагол *кана* в этом переводе?» — поинтересовался я. Однако он не смог мне ответить, поскольку единственный глагол, который можно использовать в этом переводе, — глагол «есть», соответствующий арабскому *йакуну* или *инна*, но никак не глаголу *кана* в прошедшем времени.

Коран обладает уникальным языком и лингвистическим стилем, которые отличаются от используемых нами в повседневной речи — как официальной, так и бытовой. Никто, даже сам Пророк Мухаммад, никогда не использовал прошедшее время глагола *кана* для выражения слова «есть». Однако именно такое использование встречается в Коране 190 раз. Когда я снова обратился к Корану, чтобы проверить то, что мой друг-востоковед говорил об использовании фразы *ма зала*, я был удивлен, обнаружив, что сказанное им было неточным и что Коран использует отрицательную частицу *ма* только в прошедшем време-

ни, то есть как во фразе *ма зала*, а отрицательную частицу *ла* — только в настоящем времени, как во фразе *ла йазалу*. Таким образом, нигде в Коране мы не находим ни фразу *ла зала*, ни фразу *ма йазалу*. Однако наиболее удивительным из обнаруженного мною было то, что употребление этого глагола как в прошедшем *зала*, так и в настоящем времени *йазалу* отличается от нашего повседневного употребления. Когда мы говорим: *ма зала-л-матару йахтулу*, что буквально означает ‘дождь не перестал идти’, слушатель понимает это высказывание так, что дождь шел раньше и все еще идет сейчас. Использование выражения *ма зала*, таким образом, охватывает некий промежуток прошедшего и настоящего времени, но никак не будущего. Таковым является общепринятое употребление этого глагола среди людей. Однако фраза в форме прошедшего времени *ма зала* в двух айатах Корана, в которых она встречается, касается только прошедшего времени. Вот эти айаты:

فَمَا زَالَتْ تِلْكَ دَعْوَاهُمْ حَتَّى جَعَلْنَاهُمْ حَصِيدًا خَامِدِينَ

Они продолжали так взывать (*ма залат тилка да'вахум*), пока Мы не превратили их в затухшее жнивье [21:15].

وَلَقَدْ جَاءَكُمْ يُوسُفُ مِنْ قَبْلُ بِالْبَيِّنَاتِ فَمَا زِلْتُمْ فِي شَكٍّ مِمَّا
جَاءَكُمْ بِهِ حَتَّى إِذَا هَلَكَ قُلْتُمْ لَنْ يَبْعَثَ اللَّهُ مِنْ بَعْدِهِ رَسُولًا
كَذَلِكَ يُضِلُّ اللَّهُ مَنْ هُوَ مُسْرِفٌ مُرْتَابٌ

Прежде к вам явился с ясными знамениями Йусуф (Иосиф), но вы до сих пор сомневаетесь в том, что он вам принес (*ма зилтум фи шаккин мимма джа'акум бихи*). Когда же он умер, вы сказали: «Никогда Господь не отправит посланника после него!» Так Аллах вводит в заблуждение того, кто преступает границы дозволенного и сомневается [40:34].

Первый из этих двух аятов означает, что люди продолжали взывать до тех пор, пока не были погублены, и все это случилось в прошлом, тогда как второй аят говорит о том, что люди времен Иосифа сомневались в его послании до самой его смерти. Все эти события также имели место в прошлом. В обоих этих случаях действия, о которых идет речь, начались и завершились в прошлом и не затрагивают область настоящего.

Что касается использования в Коране фразы в настоящем времени *ла йазалу*, она охватывает прошлое, настоящее и будущее. Описываемое действие совершалось в прошлом, оно все еще совершается в настоящем и будет совершаться в будущем. Этот семантический феномен наблюдается в следующих трех аятах:

وَلَا يَزَالُونَ يُقَاتِلُونَكُمْ حَتَّى يَرُدُّوكُمْ عَنْ دِينِكُمْ إِنِ اسْتَطَاعُوا وَمَنْ
يَرْتَدِدْ مِنْكُمْ عَنْ دِينِهِ فَيَمُتْ وَهُوَ كَافِرٌ فَأُولَٰئِكَ حَبِطَتْ أَعْمَالُهُمْ
فِي الدُّنْيَا وَالْآخِرَةِ وَأُولَٰئِكَ أَصْحَابُ النَّارِ هُمْ فِيهَا خَالِدُونَ

Они не перестанут (*ла йазалуна йукатилунакум*) сражаться с вами, пока не отвратят вас от вашей религии, если только смогут. А если кто из вас отступит от своей религии и умрет неверующим, то его деяния окажутся тщетными как в этом мире, так и в Последней жизни. Они являются обитателями Огня и останутся там вечно [2: 217].

لَا يَزَالُ بُنْيَانُهُمُ الَّذِي بَنَوْا رِيبَةً فِي قُلُوبِهِمْ إِلَّا أَنْ تَقَطَّعَ قُلُوبُهُمْ
وَاللَّهُ عَلِيمٌ حَكِيمٌ

Строение, которое они построили, всегда будет порождать сомнения в их сердцах (*ла йазалу бунйанухум аллази банау*), пока их сердца не разорвутся [9:110].

وَلَوْ شَاءَ رَبُّكَ لَجَعَلَ النَّاسَ أُمَّةً وَاحِدَةً وَلَا يَزَالُونَ مُخْتَلِفِينَ
إِلَّا مَن رَّحِمَ رَبُّكَ

Если бы твой Господь захотел, то Он сделал бы человечество единой общиной верующих. Однако они не перестают вступать в противоречия (*ва ла йазалуна мухталифун*), за исключением тех, над кем смиростивился твой Господь [11: 118–119].

Именно интеллектуальное знакомство с Другим, происходящее в современном Западном мире, впервые побудило меня пересмотреть мое привычное прочтение Корана. До этого моему пониманию препятствовало ощущение привычности,

связанное с ежедневным повторением. Это опасное чувство нередко мешает нам испытать то, что переживали и понимали арабы времен Пророка, когда они впервые слышали ниспосланные ему айаты. Эти ранние слушатели Корана были сбиты с толку и поражены их новизной, поскольку увидели в них нечто, полностью отличающееся от всего, что было им знакомо. Эти шок и ошеломление впоследствии обратились в критические вопросы: «Что происходит вокруг меня? Что бы это ни было, это гораздо больше, чем просто необычный стиль начинающего писателя, вдохновенного поэта или будущего прорицателя».

В первом томе этой книги я попытался как можно более мягко и ненавязчиво представить читателям эти тайны Корана, попутно освещая те изменения, которые Коран привнес в арабскую языковую среду, и предваряя каждое нововведение подробным объяснением его природы и типов. Примеры взяты из разных сур Корана, причем особое внимание уделено суре «Завернувшийся», одной из самых ранних сур, и тому, как резко ее язык отличался от существовавших речевых практик. Большинство глав в этой части так или иначе имеют дело с новаторскими лингвистическими, грамматическими и риторическими аспектами этой суры.

Во втором томе я к каждой конкретной суре Корана применил методику, представленную в первом томе, и начал с самой короткой суры, произносимой чаще остальных, а именно с суры ал-Фатиха [1]. Затем я перешел к последним двадца-

ти сурам, начиная с сур «Люди» [114], «Рассвет» [113], «Искренность» [112] и так далее вплоть до суры «Смоковница» [95].

Несмотря на новаторскую природу проделанной работы, проницательный исследователь не должен упускать из виду, что, независимо от того, какие объективные формы или подходы принимает его исследование, любое толкование Корана, его лингвистический анализ и раскрытие его чудесности, будь то в сфере языка, риторики или науки, может оказаться ошибочным. Таким образом, предложенные нами результаты исследования — это лишь искренняя попытка приблизиться к абсолютной истине, которую в конечном счете мы неспособны постичь полностью. Ведь мы пытаемся понять бесконечное, Божественное и чудесное, не имея в своем распоряжении ничего, кроме наших ограниченных способностей.

Чудо или простая гениальность?

На протяжении всей жизни я был твердо убежден в чудесности языка Корана. Вначале я придерживался этой веры просто потому, что я мусульманин, даже при том, что в действительности я не был способен оценить эту чудесность умом; мне не доставало способности различить ее четко при помощи тех примитивных средств, которые были в моем распоряжении. Однако в языке Корана я усматривал чарующую красоту, безграничную вы-

разительность, красноречие, ритм, неподражаемость и выразительность. И все же я не осознавал, что эти качества являются чем-то одним, а чудесность — чем-то иным, более глубоким, недоступным, тонким и недоступным человеческому разуму. Я всегда питал надежду, что, по-настоящему овладев арабской риторикой, смогу обнаружить чудесность Корана, которую не продемонстрировала мне научным и неопровержимым способом ни одна из прочитанных мною книг.

Авторы этих книг, конечно, употребляли слово «чудесность» (*и'джаз*) в своих названиях. Однако все эти книги говорили о том, что Коран красноречив, прекрасен, чарующ и точен в выражениях. Все эти качества мы можем найти, в той или иной степени, в литературных памятниках, созданных разными народами на разных языках. Можно вспомнить немало гениев, покоривших мир своими литературными, интеллектуальными и художественными произведениями. Но, несмотря на все их достоинства и признание, ни одно из них не может по праву описываться как чудесное. Почему же тогда мы настаиваем на чудесности Корана и только его одного? И в чем заключается чудесность Корана, если чудесность определяется как нечто, превосходящее человеческие возможности? Если совместить различные черты всех этих благородных произведений, получившееся творение вполне может граничить с чудесностью. Однако даже этого не будет достаточно, чтобы предоставить неопровержимое научное доказательство

той чудесности, существование которой мы надеемся открыть и продемонстрировать.

Полученной мною степени бакалавра в области арабского языка оказалось недостаточно, чтобы ответить на этот вопрос. Тогда я получил степень магистра, а затем стал доктором философии⁵ в области арабской литературы. Однако, даже будучи достаточно опытным (по крайней мере, с моей точки зрения) литературоведом и критиком, я все еще не был способен увидеть этот чудесный аспект языка Корана.

Находясь в поисках основы для своей веры в чудесность Корана, я постоянно сталкивался с методологической дилеммой, а именно: как примирить то, что я являюсь одновременно мусульманином и исследователем. Или, говоря упрощенно, как я могу примирить религиозное чувство и его влияние, мою изначальную уверенность в чудесной природе Корана, истинности ислама и его Писания — с абстрактным строгим научным анализом, чей вердикт неподвластен эмоциям, вере, индивидуальным интерпретациям или предубежденности? Где находится туманная, размытая граница между человеческой гениальностью, с одной стороны, и Божественным чудом — с другой, чудом, которое подтверждается научными фактами и цифрами, никак не связанными с личными пред-

⁵ Доктор философии (Ph. D.) — высшая ученая степень в ряде стран. В странах СНГ, как правило, приравнивается к степени кандидата наук (*примеч. ред.*).

почтениями, изменчивостью человеческих взглядов, конъюнктурой, вероятностями и ожиданиями?

Затем наступила третья фаза моей академической жизни, когда я столкнулся лицом к лицу с неотложным и озадачивающим вопросом: в чем именно заключается чудесность (*и'джаз*) коранического языка? Задавая этот вопрос, я использовал слово «чудесность» в его подлинном, изначальном смысле, а не просто в смысле гениальности, красноречия, особенности, точности и красоты. Я начал задумываться, не утратило ли для нас слово «чудесность» свое значение, став обыкновенным понятием, изначальное значение которого мы больше не вспоминаем и не признаем и которое теперь не означает для нас ничего, кроме превосходства, совершенства или гениальности.

Что означал термин *и'джаз* (‘чудесность’) для ранних мусульманских мыслителей?

Мусульманские ученые как раннего, так и более поздних периодов предпринимали неутомимые изыскания в сфере того, что они называли чудесностью Корана (*и'джаз ал-Кур'ан*). Такие изыскания имели дело с тремя главными направлениями:

1. ***Эстетический, или риторический, аспект Корана.*** Исследования, связанные с этим аспектом языка Корана, призваны продемон-

стрировать, что Коран является эстетическим чудом в том, что касается языка и композиции. Первыми учеными, которые развили эту тему, были ал-Джахиз (ум. 255/869), Абу ал-Хасан 'Али ар-Руммани (ум. 374/984), Мухаммад б. Йазид ал-Васити (ум. 306/918), Абу Зайд ал-Балхи (ум. 323/934), Абу Хилал ал-'Аскари (ум. 395/1005), ал-Хаттаби (ум. 378/988), Абу Бакр Мухаммад б. ат-Таййиб ал-Баккилани (ум. 404/1013), ал-Кади 'Абд ал-Джаббар ал-Асадабади (ум. 416/1025), 'Абд ал-Кахир ал-Джурджани (ум. 474/1078), Ибн Аби ал-Исба' (ум. 654/1256), Ибн ал-Каййим ал-Джавзиййа (ум. 751/1350) и другие. Однако красота остается относительным явлением, которое само по себе оказывается предметом споров, и стандарты красоты могут различаться между собой у разных людей в разные исторические эпохи. Следовательно, необходимо признать, что если бы практически каждый западный лингвист, не являющийся мусульманином, принял те же самые подходы и методы, что и мусульманские ученые, занимавшиеся исследованием Корана, то он бы пришел к выводу, что гении вроде Шекспира, Данте, Руссо и Гёте также были «богами».

2. **Аспект выразительности.** Исследования, связанные с выразительным измерением Корана, нацелены на то, чтобы показать чудесную природу коранического языка на осно-

вании его экспрессивной точности. Авторы таких исследований обсуждают тонкие различия между кораническими терминами, структурами и выражениями, которые хотя и кажутся похожими, в действительности таковыми не являются. Такие термины, структуры и выражения, получившие в ученой среде название *муташабих ал-Кур'ан*, были рассмотрены ал-Джахизом в его книге *Ал-байан ва-т-табйин*. На них также ссылались ал-Кади 'Абд ал-Джаббар в книге *Муташабих ал-Кур'ан*, Мухаммад б. 'Абдаллах ал-Искафи (ум. 420/1029) в книге под названием *Дуррат ал-танзил ва гуррат ат-тавил*, Фахр ад-дин ар-Рази (ум. 606/1209) в *Асрар ат-танзил*, Мухаммад б. Хамза ал-Кирмани (ум. 505/1111) в *Ал-бурхан фи тавджих муташабих ал-Кур'ан* и другие.

3. **Научный аспект.** Вопреки популярным верованиям, эта тема начала разрабатываться в письменной исламской традиции достаточно рано. Ранние исламские ученые, а также ученые более позднего периода пытались продемонстрировать чудесную природу Корана, основываясь на том факте, что он говорит о космической реальности и природных феноменах, которые были открыты спустя долгое время после того, как был ниспослан сам Коран. Если бы эти сочинения не были такими неупорядоченными и ненаучными, они были бы практически неоспоримы. К сожалению, большинству современных уче-

ных, занимавшихся этой темой, удалось разве что одурачить себя и своих читателей. Они не продемонстрировали особого понимания той чудесности, которую намеревались осветить в своих работах. Их работы не имеют и академической ценности, поскольку не содержат никакой документации или цитат из научных публикаций западных ученых, как и ссылок на научные исследования описываемых феноменов. Отсутствие ссылок на источники в трудах ранних исламских ученых вполне понятно, их работы были даже более систематизированными, чем труды их нынешних коллег. Ранние мусульманские мыслители владели научными дисциплинами и открытиями тех времен. Более того, они были главными авторитетами в этих вопросах, поскольку человеческая цивилизация того времени писала справа налево. Мусульмане говорили, а остальной мир слушал. Мусульманский мир диктовал, а остальной мир записывал. Современная ситуация принципиально противоположна той. Центры академической и научной мысли, открытий, инноваций и принятия решений переместились в другой регион мира, и о цивилизации пишут теперь слева направо. Первые мусульманские ученые, которые писали на тему «научной чудесности» (*ал-и'джаз ал-'илми*), — это ал-Джахиз, Ибн Сурака (ум. 415/1023), ал-Маварди (ум. 450/1058), ал-Газали (ум. 505/1111), ал-Кади 'Ийад (ум. 544/1149),

Фахр ад-дин ар-Рази, Ибн Аби ал-Фадл ал-Мурси (ум. 655/1257) и Давуд ал-Антаки (ум. 1008/1599). Среди мусульманских ученых более позднего времени, занимавшихся этой темой, были ал-Искандарани (ум. 1307/1889), 'Абд ар-Рахман ал-Кавакиби (ум. 1320/1903) и Тантави Джавхари (ум. 1359/1940). В двадцатом столетии эта тема получила особое распространение, в результате чего появилась серия книг, освещающих так называемую числовую чудесность (*ал-и'джаз ал-'адади*) Корана. Одной из первых в этой категории была книга *Ал-и'джаз ал-'адади фи-л-Кур'ан ал-Карим* 'Абд ар-Раззака Навфаля, появившаяся в начале 1970-х гг. В своей книге Навфаль приводит длинные списки «пар» (*ал-масани*), на которых базируется язык Корана. Мы находим, что, к примеру, слова, обозначающие «ночь» (*лайл*) и «день» (*нахар*), встречаются в Коране одинаковое количество раз. Та же картина наблюдается в отношении слов, обозначающих «Рай» (*ал-джанна*) и «Ад» (*ан-нар*), а также слов, относящихся к ангелам (*мала'ика*) и демонам (*шайатин*). Он даже отмечает, что слово «месяц» (*шахр*) встречается в Коране ровно двенадцать раз, тогда как слово «день» (*йаум*) встречается ровно 365 раз. Фахр ад-дин ар-Рази был первым, кто обратил внимание на эту лингвистическую тайну Корана в контексте обсуждения термина *ал-масани* в суре «Толпы» [39: 23], что говорит о Коране как о

полностью самодостаточном (*китабан муташабихан*) «Божественном Писании, в котором каждое утверждение (истины) повторяется многократно в разных вариациях (*масанийа*), — это Божественное Писание, которое вызывает трепет у всех, кто является богобоязненным...» [1].

Что касается этой книги, она будет сосредоточена исключительно на том, что я считаю подлинно чудесным аспектом языка Корана, а именно на его новаторстве. Это новаторство не ограничено отдельными словами и выражениями. Скорее, оно охватывает язык всего Корана от начала и до конца: вертикально и горизонтально, лингвистически и риторически, на уровне слов, частиц, структур и выражений; с точки зрения формулировок, ритмов, образов и объяснений, а также интенсивности воздействия, к которой ни один человек не способен даже приблизиться. И все же, несмотря на эту лингвистическую новизну, Коран сохранил основы арабского языка и оказался чрезвычайно понятным для людей, которые слышали его. В самом деле, они не только поняли Коран, несмотря на новаторство его языка, но и были им в высшей степени затронуты.

Влияние новаторства Корана на арабов времен Пророка

Новаторство Корана, проявившееся в плане как стиля, так и содержания на разных уровнях — от выбора слов до выражений, грамматики, морфо-

логии и риторики, — было источником недоумения и удивления для тех, кто слышал Откровение впервые. Простая кораническая фраза, состоящая из трех слов, такая как *фа-сда' би ма ту'мар* («Провозгласи то, что тебе велено...» [15: 94]), побудила одного араба-бедуина воскликнуть: «Что это я слышу? Это не простая человеческая речь!» Затем он пал ниц со словами: «Эта речь была настолько красноречива, что я преклоняюсь перед тем, кто это сказал» [2].

Здесь имеет место нечто тонкое и чудесное, что неспособны различить уши современного человека. Как можем мы услышать это ушами 'Умара ибн ал-Хаттаба, или упомянутого выше бедуина-араба, или ушами других арабов, которые подчинились Богу, как только услышали Священный Коран? Если бы мы могли каким-то образом заменить наши уши их ушами, может быть, мы смогли бы уловить те самые чудесные качества, которые улавливали они? Возможно, нам удалось бы постичь посредством языка то, что постигли они, и уловить то, что теперь ускользает от нашего внимания?

Я всегда задавался вопросом, как Коран мог бросить арабам того времени вызов, чтобы они произвели нечто подобное ему. Такой вызов был провокационным, но он также был реалистичским и разумным. Но призвать их создать хотя бы десять сур — это само по себе было удивительно и даже немного тревожно, поскольку говорило о непоколебимой уверенности стороны, бросающей

вызов. Но затем, когда даже не один раз, а дважды, в двух разных сурах, ниспосланных в совершенно разное время (сура «Корова» [2: 23] и сура Йунус [10: 38]), арабов призвали произвести единственную суру, подобную коранической, — это было уже не просто экстраординарным. Это свидетельствовало о чем-то значительно большем, нежели простая уверенность стороны, бросающей вызов. А что, если бы этот вызов действительно был принят? Что, если бы их ведущие поэты, литераторы, ораторы, лингвисты и гении объединились для того, чтобы написать одну маленькую суру, такую по длине, как сура «Утро» [93], или даже еще меньшую, как, например, сура «Время» [103] или сура «Изобилие» [108]? Ведь им было бы достаточно составить всего одну строку! Неужели это могло быть для них по-настоящему невозможным? Ведь Коран был ниспослан на их языке, а они владели им в совершенстве.

Подлинный масштаб чудесности, проявленной в лингвистической новизне Корана

Когда я решил ответить на эти вопросы, привнеся язык Корана в свою лингвистическую лабораторию и изучив его под микроскопом, у меня не было четкого понимания того, какую задачу я перед собой поставил. Никогда ранее я не осознавал с полной уверенностью и ясностью, что за каждым

айатом, за каждым выражением — и я почти готов сказать, за каждым словом — Корана кроется чудо, или «новшество», а иногда и более одного новшества. Это поразило меня настолько, что я не мог придумать ничего лучше, как применить этот неадекватный человеческий термин для описания чуда, которое язык человека неспособен объять. В конце концов, «Бог — самое высокое подобие» [3]. Поэтому я склонил голову перед величайшей мудростью, сокрытой в этом Божественном даре.

Я обнаружил, что когда бы я ни подходил к языку Корана в попытке открыть его секреты, я чувствовал себя пигмеем, пытающимся измерить палец на ноге огромного гиганта. То, что мы находим в этом языке, — это не научное открытие того типа мудрости, с которым мы сталкиваемся в наше время. Скорее, оно состоит из непрекращающихся серий удивительных лингвистических инноваций с разнообразием черт и форм. Они связаны друг с другом таким образом, что всякий, кто пытается их имитировать, наталкивается на непреодолимую стену и понимает, что здесь нет места для гордыни или надменности.

Предположим, у вас есть прекрасный сад, где вы проводите время каждый день, нюхаете цветы, находите новые бутоны и срываете плоды с того или иного дерева. И предположим, что кто-то пришел и сказал вам, что в саду, которым вы наслаждаетесь каждый день и в котором регулярно видите предметы несказанной красоты, есть тысячи поразительных секретов, никогда не попадавших вам на глаза, и вы даже никогда не ду-

мали о них, хотя они могли быть у вас под носом. Более того, предположим, что этот человек предложил дать вам очки, которые могут усилить ваше зрение и представить все в том свете, в каком вы никогда не видели это в прошлом, и теперь у каждого камня в том саду вы будете находить драгоценную жемчужину, между каждыми двумя листьями розы — утонченный листик из серебра, под корой каждого дерева — живицу из великолепных благовоний, а между каждой парой пылинок — крупницу драгоценного металла. Предположим, вы обнаружили, что все это было в вашем саду, а вы даже не знали об этом!

Лучшая часть работы, которую я осуществил в процессе подготовки к написанию этой книги, состояла в том, чтобы посмотреть сквозь такие специальные очки. И как только я нашел их, я исполнился решимости вручить такие же другим читателям Корана, чтобы они, сами надев эти новые очки, смогли освободить себя от смертельного чувства привычности, которое уничтожило их способность видеть безграничные, поразительные чудеса языка, так долго пребывавшего перед их взорами и все еще не понятого ими.

Чудесная частота коранических инноваций

Однажды я увидел ребус, состоящий из чего-то похожего на странную, высокую горную цепь. Это изображение было настолько впечатляющим и

жутким, что казалось, будто его сняли на поверхности Луны или Марса. Когда я перевернул лист бумаги, чтобы узнать, что же там все-таки изображено, то оказалось, что это всего лишь сильно увеличенное изображение отпечатка человеческого пальца. Такие же чувства, я подозреваю, возникнут у читателей, когда они ознакомятся с контурами языка Корана, которые нам удалось обнаружить на данный момент с помощью того увеличительного стекла, которое мы надеемся передать нашим читателям. С помощью этого инструмента читатели наконец смогут хотя бы мельком увидеть великолепные лингвистические явления Корана во всей их ошеломляющей красоте.

Если мы посмотрим на одно из этих явлений изолированно, в отрыве от предшествующих ему или следующих за ним, у нас может возникнуть искушение вынести суждение и задуматься: это действительно инновация. Но разве инновация когда-либо была чудом? И мы будем правы, возражая таким образом, ведь было бы поистине неоправданно говорить о чудесности Корана на основании двух или даже трех отдельных случаев. Однако когда мы обнаруживаем плотность и частоту инновационных явлений, которые прослеживаются в айатах и сурах Корана, когда мы видим, как одно следует за другим непрерывно — на одном дыхании, без пробелов и пропусков, и когда мы видим, как каждое слово, структура и выражение в Коране содержат в себе чудеса экспрессивной инновации всех оттенков и форм, мы начинаем ощущать подлинную лингвистическую

чудесность Корана и невозможность подражания ему, невозможность его подделки.

Кто-то может спросить: разве в мире еще осталось что-то, что невозможно подделать? Людям удастся подделывать американский доллар, британский фунт стерлингов, евро и многие (если не все) остальные валюты. Они производят подделки статуй, литературных произведений, античных колонн и монет, картин наиболее великих и известных художников мира. Так почему бы кому-нибудь не написать одну или две суры, очень похожие на коранические? Однако одно дело — подделать нечто так успешно, что люди будут неспособны отличить подделку, по крайней мере, поначалу. Ведь в этом случае, когда подделка будет обнаружена, вас хоть и накажут по заслугам, но все же втайне будут восхищаться вашим мастерством. Совсем иное дело — подделать что-то, когда реакция людей при этом будет заключаться лишь в насмешках, презрении и обвинениях в невежестве и фривольности. И именно этот последний сценарий ожидает всякого, кто отважится имитировать язык Корана.

Ошеломляющее воздействие новой ритмической структуры на арабских слушателей Корана

Для примитивных арабов-бедуинов, живших во времена Пророка Мухаммада, Откровение Корана было сравнимо с появлением огромной летающей

тарелки прямо перед их глазами: нечто странное, технически сложное и мастерски скроенное. Подобно остальным людям того времени, арабы в целом не принимали новых выразительных форм, будь то в поэзии или в прозе, пока их уши не привыкали к их особенному ритму, стилю и структурам за несколько поколений. Если писатели, ораторы или поэты отходили от привычных форм, слушатели поначалу не воспринимали ничего, кроме болезненного диссонанса, и лишь через много лет постоянного повторения эти тексты признавались частью их лингвистического наследия.

Примечательно, однако, что они не испытали диссонанса такого рода, когда впервые услышали Коран с его колоссальными вербальными, грамматическими и выразительными новшествами. Благодаря его уникальной повторяющейся организации, этим новоявленным лингвистическим феноменам, ему суждено было создать свой особый ритмический репертуар в восприятии, в сердцах и в умах слушателей за беспрецедентно короткий промежуток времени. Вопреки ожиданиям, именно ритм и мелодичность языка Корана изначально привлекали к нему арабов времен Пророка с момента знакомства с ним, и речь шла как о звуках декламации, так и об эмоциях и ассоциациях, которые вызывали его образы и смыслы. Несмотря на то, что этот ритм и звучание были совершенно новыми для арабов, они тем не менее оказались приемлемыми и даже приветствуемыми, хоть и ошеломляли даже наиболее красноре-

чивых и литературно одаренных политеистов. Именно представители этой группы, услышав Коран, не могли сдержать восхищения, даже несмотря на свое неверие. Несмотря на отказ принять ислам, ал-Валид б. ал-Мугира, ведущий политеист того времени, высоко отзывался о Коране, говоря:

Клянусь Аллахом, среди вас нет людей, кто бы лучше меня разбирался в поэзии. Никто не знает лучше меня ни раджаз⁶, ни касыду⁷, ни даже стихи самих джиннов. Клянусь Аллахом, слова этого человека непохожи ни на человеческие стихи, ни на поэзию джиннов. Его слова столь приятны, и в них есть изящество. Крона его слов плодovита, корни глубоко уходят в землю. Несомненно, слово это возвысится, и ничто не сможет стать выше его [4].

Машина для путешествия в прошлое

Раз за разом я задумывался, нет ли на свете такой машины, которая могла бы отправить меня на четырнадцать столетий назад, чтобы я смог услышать Коран ушами обитавших в пустыне арабов седьмого столетия, ставших первыми слушателями Корана. Не удалось ли бы мне, спрашивал я се-

⁶ Раджаз — один из стихотворных размеров, характерных для классической арабской поэзии (*примеч. ред.*).

⁷ Касыда — поэтическая форма, сложившаяся в арабской литературе доисламского периода (*примеч. ред.*).

бя, стереть мою кораническую память, и даже мою исламскую память, и стать, таким образом, доисламским арабом, живущим в век ниспослания Корана? Если да, то я смог бы услышать Коран таким, каким он ниспосылался, аят за аятом, слушать его ушами человека, который не слышал Коран так часто, что само это обстоятельство теперь мешает воспринять его гениальность, новизну и уникальность. Каким чудесным, наверное, был опыт мусульман седьмого столетия, получавших Откровение от Самого Бога — впервые! Как волнительно было слышать «в прямом эфире» Божественные повеления относительно всех их практических забот: повеления, которые могут повлечь за собой оправдание или осуждение, обещание или угрозу для людей, среди которых они жили изо дня в день. Каково им было слышать Божественную речь, ежедневно и даже ежечасно сопровождающую их в миры столь обширные, что их умы едва ли могли охватить их?

Попытайтесь представить вместе со мной, как следующие аяты могли повлиять на умы арабов седьмого столетия, которые слышали их впервые:

Не ценили они Аллаха должным образом, а ведь вся земля в День воскресения будет всего лишь Пригоршней Его, а небеса будут свернуты Его Десницей. Пречист Он и превыше того, что они приобщают к Нему в сотоварищи. Но подуют в Рог, и тогда потеряют сознание (или умрут) те, кто на небесах, и те, кто на земле, кроме тех, кого Аллах пожелает оставить. Потом в нее подуют еще раз, и тогда они встанут и будут смотреть.

Земля озарится светом своего Господа. Будет положено Писание, и будут приведены пророки и свидетели. Их рассудят истинно, и с ними не поступят несправедливо [39: 67–69].

Теперь, четырнадцать столетий спустя после того, как эти айаты были ниспосланы, вы можете не ощутить ничего, но потрясающее послание, которое они несут, послание, расширившее воображение арабов седьмого столетия, — а возможно, и не только арабов — было безграничным. Насколько ошеломительным было это послание, если учесть, что оно было ниспослано в новом, ослепительном облачении, украшено множеством новых лингвистических форм, с которыми ни один араб еще не был знаком и которые обладали такой интенсивностью, что их умы были просто неспособны постичь ее? Можем ли мы восстановить яркие моменты, высвободившие такую силу, мощь, веру, доверие и решимость в умах и сердцах первых мусульман, что они смогли построить цивилизацию, изменившую ход истории?

Доисламская поэзия и пророческие хадисы являются единственными подтвержденными источниками, на основании которых мы можем реконструировать арабский язык того времени. Итак, в попытке восстановить те яркие моменты, о которых сказано выше, я решил удалить кораническую память с жесткого диска моего мозга и заменить ее сначала поэтической памятью доисламских арабов, а затем — памятью пророческих хадисов.

Три словаря: коранический, доисламский и пророческий

В попытках идентифицировать стилистические различия между Священным Кораном и доисламской поэзией и пророческими хадисами я решил сосредоточиться на поэзии. Доступные нам электронные энциклопедии насчитывают примерно двадцать тысяч стихов доисламской поэзии. Это количество равно или немного превышает объем Корана, при том что, по нашим оценкам, большая часть доисламской поэзии была утрачена [5].

Доисламская поэзия обладает особым лингвистическим качеством, которое легко отличить от языка Пророка, даже несмотря на то, что он родился и жил в самый разгар доисламского периода. Подобным образом Пророк Мухаммад обладал своим особым лингвистическим стилем, который резко отличается от языка Книги, которую он принес нам. Более того, эти три языка никогда не смешивались. Эти факты свидетельствуют о достоверности текстов, дошедших до нас и записанных именно в таких трех лингвистических стилях, ни один из которых не проникает в остальные два и не пересекается с ними. В противоположность этому стили доисламских поэтов часто напоминают друг друга и пересекаются до такой степени, что изучающие их оказываются не в силах установить четкие и однозначные критерии различия между произведениями разных доисламских поэтов на основании их стиля и лингвистических

особенностей. Хотя для этих поэтов характерны различные достоинства и недостатки, чистота стиля, тонкость, простота, замысловатость и т. д., ни один литературный критик не осмелился бы заявить с абсолютной уверенностью, что такая-то поэма была написана таким-то конкретным доисламским поэтом и никем иным. В то же время даже обычный читатель Корана способен сказать с уверенностью, что такая-то фраза или отрывок — из Корана, а такая-то — нет.

Несмотря на то, что язык пророческих хадисов, то есть язык самого Пророка, должен был испытать хотя бы поверхностное влияние языка Корана, это влияние прослеживается едва ли в одном проценте всего корпуса хадисов и не изменяет фундаментального характера хадисоведческой литературы. Поэтому в процессе исследования я стремился идентифицировать распространенные и радикальные стилистические и лингвистические различия между пророческими хадисами и Кораном, надеясь осветить этот вопрос для ориенталистов и скептиков, сомневающихся в Божественном происхождении Корана и обвиняющих Посланника Мухаммада и/или его современников в фальсификации.

Новая лингвистическая революция

Как арабы времен Пророка восприняли новый язык, обнаруживаемый в Священном Коране, если он не содержал ни одной из идиом, фраз и кон-

струкций, с которыми они были знакомы в то время? Если вкратце — он поставил их в тупик. Он даже мог повергнуть их в состояние шока, которое начало развеиваться лишь по истечении некоторого времени, когда они в какой-то степени привыкли к этому новому языку.

Лингвистическое смещение, о котором я говорю, не ограничивалось словарем Корана. Скорее, оно выходило за пределы отдельных слов и касалось отношений между ними, помещения их в различные контексты, вариантов их использования. Все это сопровождалось появлением новых лингвистических, грамматических и экспрессивных элементов и правил, пронизывающих этот язык и управляющих им. Это смещение порождало новые лингвистические единицы, состоящие исключительно из этих отдельных слов, отношений между ними и правил.

Когда мы проверяем каждую суру Корана по отдельности, мы обнаруживаем, что локации, в которых встречаются новые лингвистические феномены, превышают число количество слов в самой суре. В такой короткой суре, как ал-Фатиха [1], состоящая только из 29 слов, содержится не менее 58 этих «новых явлений». В суре «Люди» [114], содержащей 20 слов, мы насчитываем не менее 33 новых явлений; в суре «Рассвет» [113], содержащей 23 слова, появляется 38 новых явлений; в суре «Искренность» [112], насчитывающей 15 слов, содержится 22 новых явления. Подобная тенденция наблюдается во всех остальных сурах. Помня об этом, мы можем попытаться предста-

вить, в какой шок арабов седьмого столетия, живших на Аравийском полуострове, поверг несравненный лингвистический характер Корана.

Разумеется, Коран при этом не создал нового языка, отличного от арабского языка того времени. И именно в этом и состоит его чудесность. Коран был ниспослан на арабском языке и оставался укорененным в его основаниях. Однако его уникальность заключается в том, каким образом он вышел за рамки существующего арабского языка, превосходя ограничения его терминов, структур, идиом, формулировок, образов и внутренних взаимоотношений. Чудесность Корана заключается также в том, как он развил правила и традиции арабского языка, не упраздняя их, и тем самым открыл путь для эволюции и обогащения языка, наделив его новыми измерениями, открыв горизонты, о которых его носители и не мечтали.

Чудесность Корана заключается не в том, что он создал язык из ничего. Если бы это было так, он отделил бы себя и свое учение от всех людей, вне зависимости от языка. Скорее, его чудесность в том, что он сконструировал новый язык на тех же самых основаниях, на которых существовал старый, а затем овладел огромными просторами, которых никогда не достигал традиционный язык. Когда я читал лекции на эту тему, мои слушатели часто возражали против того, чтобы я называл язык Корана «новым языком», поскольку эта фраза могла произвести неверное впечатление, что язык Корана является не арабским, а каким-то другим, и предлагали мне использовать какую-то

иную формулировку. Однако чудесность Корана заключается именно в этом парадоксе: его язык является арабским, и подлинно арабским, но в то же время это новый язык. Это может показаться нелогичным. Однако логика чуда как раз и заключается в том, что оно превосходит всякую логику. Чудо, которое зиждется на логике, перестает быть чудом.

Индивидуальный характер коранических сур

Как уже было отмечено, Коран использует глагол, который обычно переводится как «был» (*кана*) в значении «есть». Это новое использование глагола *кана* встречается в Коране не менее 190 раз. Тем не менее ни в одном из записанных текстов по сей день нет ни одного другого примера использования этого глагола в этом новом кораническом смысле. Это касается даже пророческих хадисов. Однако еще больше поражает частота использования глагола *кана* в разных сурах Корана. Было бы ожидаемо, если бы в коротких сурах, таких как сура «Искренность» [112], глагол *кана* употреблялся подобным образом всего один раз [6]. Однако, вопреки нашим ожиданиям, статистика показывает, что в суре «Корова» [2], которая составляет почти 1/12 всего Корана, нет ни единого случая употребления глагола *кана* в таком значении (имеется в виду использование *кана* в значении 'есть', а не 'был').

Как же обстоит дело с другими сурами, которые лишь немного короче, такими как суры «Семейство Имрана» [3], «Трапеза» [5], «Скот» [6], «Преграды» [7], «Трофеи» [8], «Покаяние» [9]? Ни одна из них не содержит ни единого случая. И такая ситуация сохраняется вплоть до шестнадцатой суры, «Пчелы». В действительности примеры этого нового специфического употребления глагола *кана* отсутствуют в сурах, примерно составляющих первую половину Корана.

Однако посреди этой обширной равнины мы внезапно обнаруживаем возвышающийся пик в виде суры «Женщины» [4], где, в нарушение обнаруженной нами закономерности, глагол *кана* в новом значении встречается 53 раза. Затем он снова исчезает и появляется лишь в суре «Перенес ночью» [17], где встречается 23 раза. Далее, в следующих семи сурах, он снова пропадает и появляется в суре «Различение» [25], где повторяется 11 раз, затем снова исчезает в следующих семи сурах и появляется уже в суре «Сонмы» [33], где встречается 26 раз, а потом появляется последовательно в ряде последних сур.

Этот феномен поддерживает наше утверждение о том, что каждая сура в Коране обладает собственной непроницаемой стеной из особых лингвистических приемов и явлений, отличающих ее от других сур настолько, что айатам из одной суры было бы трудно просочиться между айатами другой суры или перемешаться с ними.

Важным следствием этого феномена является то, что он подтверждает правильное расположе-

ние всех сур Корана относительно друг друга и исключает любой человеческий произвол в упорядочивании дошедшего до нас Писания. В противовес неоправданным и предвзятым заявлениям некоторых ориенталистов, этот феномен подтверждает, что расположение сур в нынешнем порядке имеет Божественное происхождение, и эта последовательность не изменялась со времен Пророка.

Лингвистическая печать, характеризующая каждую отдельную суру, — это удивительная особенность, помогающая сформировать структуру и характер Корана в целом. Как станет ясно в результате детального изучения нами сур, каждая из них отличается от остальных в использовании терминов, а также характеризуется новыми лингвистическими отношениями, формулировками и конструкциями, которые отмечают именно эту конкретную суру. Кроме того, каждую отдельную суру пронизывают общий ритм и рифмы, несвойственные всем остальным сурам.

Накладываются ли друг на друга особенности различных сур?

При запоминании некоторых сур, особенно коротких, мы можем чувствовать, что переходим от декламирования одной суры к декламированию другой, имеющей общий с ней ритм и некоторые общие рифмы. Это можно заметить, к примеру, в сурах «Посылаемые» [77] и «Исторгающие» [79], «Скручивание» [81] и «Разверзнется» [84] либо

«Всевышний» [87] и «Ночь» [92]. Такое случайное перемещение от одной суры к другой может привести нас к мысли о том, что характеристики соответствующих сур отчасти пересекаются и что границы между ними достаточно размыты, так что они словно перетекают одна в другую. В таком случае наше заявление об уникальном лингвистическом характере каждой суры оказалось бы безосновательным.

Сура «Всевышний» [87] и сура «Ночь» [92]

Однако быстрое сравнение любых двух сур, даже очень похожих на первый взгляд, показывает, насколько в действительности различны их лингвистические характеристики, и едва ли позволяет нам найти в них хотя бы одну общую фразу. Возьмем, например, суры «Всевышний» [87] и «Ночь» [92] и проанализируем их языковые структуры и выражения. Это сравнение покажет, как различается языковой характер этих сур несмотря на сходный ритм.

Сура «Всевышний» состоит из 72 слов, тогда как сура «Ночь» состоит из 71 слова. И при том, что обе суры имеют одинаковую рифму, при которой каждый аят оканчивается буквой *алиф*, а последнее слово в аяте, как правило, следует паттерну *фа'ла* (فعلى), а также несмотря на ограниченное количество общих слов (*халака*, *ал-ашка*, *йасла*, *ал-ахира*, *раббаху* и *ал-а'ла*), сходство на этом

заканчивается. Помимо сказанного, каждая из двух сур имеет свои собственные выражения, идиомы и структуры. Еще более удивительно и чудесно то, что большинство структур и выражений каждой из двух сур не встречаются больше нигде.

Из 26 структур и выражений, составляющих большую часть суры «Всевышний», мы находим не более четырех в других сурах Корана. Это *хала-ка фа савва*, *илла ма ша'а-Ллах*, *фа заккир* и *ва ла йахйа*, тогда как 22 других — или более 80 процентов этих структур и выражений — являются уникальными для этой суры и встречаются только в ней.

Что касается суры «Ночь», то из 25 структур и выражений, её составляющих, мы находим только три выражения, которые встречаются в других сурах, а именно: *фа анзартукум*, *каззаба ва тавал-ла* и *илла ибтига'а*. Оставшиеся 22 структуры и выражения — или 88 процентов от общего их количества — не встречаются больше нигде, включая, разумеется, суру «Всевышний».

Уникальный характер Корана

Как только начался процесс ниспослания Откровения, арабы, которые слышали Коран, начали инстинктивно осознавать, что все связанное с ним предполагает новизну и уникальность. Эти качества отразились в самом названии «Коран», которое доисламские арабы никогда ранее не ис-

пользовали; в этом случае уникальность названия книги указывает на уникальность ее содержания. Те же самые новизна и уникальность нашли свое отражение в названии первой суры Корана — ал-Фатиха, также характерном только для Корана. Что касается слова «сура», которым обозначаются главы или разделы Корана, оно происходит от слова *сур* (سور), коим обозначали городскую стену или цитадель. Значение этого термина было подобно знаку свыше, указывающему на несокрушимость «стен» Корана, на невозможность подделывать его главы (суры) или обнаружить бреши или проломы, чтобы проникнуть внутрь. Далее мы имеем дело с термином *айат*, обозначающим чудо или знамение, — этот термин Бог использовал для обозначения стихов Корана. В таком обозначении мы видим еще один Божественный намек, указывающий на чудесный характер книги в целом и на внутреннюю сложность, присущую каждому ее элементу, даже самому малому. И наконец мы подходим к термину *тилава*. Это слово образовано от глагола *йатлу* (يتلو), означающего ‘следовать’ или ‘идти за’, и начало применяться в отношении декламации Корана в качестве напоминания с Небес о том, что Посланник Бога не был первым существом, декламировавшим айаты Корана на земле, скорее, в своей декламации он был «последователем», поскольку впервые их декламировал Джабриил. Затем Пророк «последовал за

ним» (*талаху*), подражая декламации ангела, а мы следуем за Пророком.

Здесь следует подчеркнуть, что Священный Коран является единственной книгой в мире, которая по сей день обладает свойствами, отличающими ее от всех остальных книг. Сравнение, проводимое здесь, основывается не на тематике, идеях, языке или стиле. В конце концов, каждая книга в мире чем-то отличается от остальных, написанных на ту же тему, она имеет свои идеи, которые представляются читателям, имеет свой лингвистический стиль. Скорее, я говорю здесь о «книге» как об общем понятии.

К примеру, если вы сравните книгу, которую держите сейчас в руках, с любой другой книгой в вашей библиотеке, вы не найдете ничего, что кардинально отличало бы ее от всех остальных книг как таковых. Мы можем, конечно, сравнить книгу, написанную по-английски, с книгой, написанной по-арабски, и в этом случае скажем, что они различаются между собой, по крайней мере, двумя характеристиками: 1) языком, на котором они написаны (одна написана на английском, а другая — на арабском); 2) направлением чтения (англоязычная читается слева направо, а арабоязычная — справа налево). Это основные различия между этими двумя книгами. Однако ни одна из них не отличается этими качествами от всех остальных книг в мире. В мире есть миллионы книг, написанных по-английски или по-арабски. Коран, в противоположность этому, отличается рядом черт,

которыми не обладала и не обладает ни одна другая книга в истории человечества. Я насчитал двадцать таких отличий, из которых двенадцать привожу ниже:

1. Для обозначения его глав и стихов используются уникальные термины.
2. Он может читаться более чем одним способом, и все эти способы считаются Божественно вдохновленными.
3. Способ, которым он декламируется, отличается от того, как он записан. Примеры этого включают слова «молитва» (*ас-салам*), «закят» (*аз-закат*) и «жизнь» (*ал-хайат*), которые пишутся в Коране с буквой *вав* (отображающей долгий звук *у*), хотя мы читаем ее как *алиф* (отображающий звук *а*, как в слове «пять») ⁸. Другим примером является слово *каварира* в суре «Человек» [76: 16], которое читается без финального дополнительного звука *а*, обозначаемого буквой *алиф*, хотя она и есть в письменном виде.
4. Его текст произносится по-другому, нежели любой другой арабский текст. Эта особенная манера произношения была выработана в деталях посредством искусства *таджвида*, или декламации Корана, и придерживается установленных правил произношения и интонации.

⁸ В английской версии автор приводит в пример слово *сат*, содержащее сходный неогубленный гласный переднего ряда нижнего подъема /æ/ (*примеч. ред.*).

5. Он записан не так, как любой иной арабский текст. (Это обусловлено тем фактом, что правила произношения, на основании которых записан Коран, отличаются от правил современного арабского языка, а также от тех, что использовались четырнадцать столетий назад.)
6. Он может быть задокументирован только на основании слушания его другими. В дополнение к правилам таджвида, документирование Корана зависит от устной цепочки передачи, которая восходит к самому Пророку Мухаммаду.
7. Коран декламируется мелодично. Как повелел Пророк: «Читайте Коран мелодично, тот не из нас, кто читает его по-другому» [7]. Имеется в виду, что такой человек не следует путем Пророка.
8. Лингвистический стиль Корана полностью отличается от стиля человека, который донес его до нас, т. е. от лингвистического стиля Пророка Мухаммада.
9. Миллионы людей по всему миру запомнили Коран наизусть от первого до последнего слова.
10. Большинство из тех, кто запомнил Коран наизусть, не говорят по-арабски и даже не понимают этот язык. Арабы составляют не более 20 % мусульман мира.
11. Различные части текстов Корана произносятся миллионы раз ежедневно. Они декла-

мируются вслух три раза каждый день: во время утренней молитвы (*ал-фаджр*), вечерней молитвы (*ал-магриб*) и последней молитвы (*ал-'иша*) во время коллективных молитв по всему миру. Это в дополнение к коллективной пятничной молитве и к коллективным молитвам, проводимым в праздники 'Ид ал-Фитр и 'Ид ал-Адха. Эти молитвы происходят в сотнях тысяч мечетей мира на протяжении четырнадцати столетий с того самого момента, когда молитва была вменена в обязанность. Если руководящий молитвой ошибется в произношении, неправильно произнесет слово или совершит какую-либо другую ошибку в декламации, его сразу же поправят сонмы верующих, молящихся за ним. Этот удивительный, интенсивный метод аутентификации не позволяет пропустить, добавить или исказить ни единого слова или буквы в тексте Корана.

12. Коран обусловил самую масштабную научную революцию в истории человечества в кратчайшие сроки. Кроме Корана, ни одна другая книга в истории человечества никогда не вызывала литературную, научную, интеллектуальную и лингвистическую революцию всего лишь за несколько десятилетий, и это на изолированном, неграмотном полуострове, среди жителей которого единственной книгой, находящейся в обращении, была Библия.

Новая лингвистическая формулировка

Подобно литераторам других языковых групп, доисламские поэты выработали фонд общеупотребительных лингвистических структур, из которого они черпали средства для выражения своих мыслей и от которого они редко отступали. Как следствие, они разработали матрицы, или шаблоны, служившие лингвистическим фоном для их поэзии. Мы можем проследить, как большая часть доисламской поэзии восходит к нескольким сотням базовых лингвистических шаблонов. Они были представлены на поэтическом рынке до появления Откровения Корана и составляли то, что можно назвать инфраструктурой доисламской касыды, или же поэмы. Многие из этих шаблонов продолжали использоваться и после ниспослания Откровения Корана, а некоторые до сих пор применяются многими поэтами с разной степенью частоты. Эти шаблоны выполняли функцию базиса для общей структуры поэмы или литературного текста, и лишь изредка появлялся поэт, писатель или оратор, который отступал от них или вводил новый шаблон для обогащения старой лингвистической структуры.

Эти литературные шаблоны можно сравнить с элементами пазла или с игральными картами. Литераторы обладали готовыми деталями, при помощи которых формировали лингвистические фигуры — свои поэмы или иные произведения. Поэмы, сконструированные таким образом, могли показаться внешнему наблюдателю чем-то новым. В действительности они были всего лишь

набором старых шаблонов или сырым материалом, использованным для создания новых форм. Достаточно сравнить первые строки избранных доисламских поэм, чтобы оценить широту и частоту этого явления в древней арабской поэзии: *ва ман йаку за, ва инни имру'ун ин... а-ла хал ата'ан-на... а-ла лайта ши'ри хал... а-ла ан'им сабахан аййуха-р-раб'...халилаййа мурра би... амин али ас-ма' ат-тулул ад-даварису... йа сахибаййа талава-ма, вадди 'умамата инна... ахаджака мин асма'а расму-л-маназили... сама лака шаукун ба'да ма кан-на... лиман талалун байна-л-джадийа...*

Что касается языка Откровения Корана, он перевернул все вверх дном. Он разбил старые шаблоны, унаследованные от арабов доисламской эпохи, и породил совершенно новые, призванные расширить горизонты и перспективы арабского литературного языка. Эти новые формы не ограничивались отдельной частью или аспектом Корана. Скорее, они охватывали всю книгу в ее целостности, так что люди, познакомившиеся с ее языком, могут легко узнать «кораничность» даже в каком-то отдельно взятом примере, состоящем всего лишь из одной фразы, выражения или конструкции, взятой из любой части книги.

Большинство лингвистических форм Корана не повторяется

Уникальный аромат коранических языковых конструкций, повторяющихся много раз на протяжении священного текста, может навести нас на

мысль, что именно он является признаком таких конструкций, но, несмотря на их новизну и отличие от конструкций, использовавшихся во времена Пророка и в наши дни, именно эти повторения позволяют нам так легко распознать коранические обороты. Однако, несмотря на то что в Коране очевидно существуют повторы, уникальные коранические конструкции намного превышают числом повторяющиеся. В действительности большинство однозначно коранических конструкций и выражений встречаются только по одному разу, но даже несмотря на это они остаются чистыми, обладающими отчетливым «ароматом». Что касается конструкций, используемых в некораническом арабском языке, будь то поэзия или проза, нам трудно распознавать их и отличать их формы и структуры, если только они не повторяются достаточное количество раз, чтобы мы привыкли к ним. Из этого вытекает еще одна примечательная черта языка Священного Корана — та легкость, с которой мы привыкаем к его формам и структурам, даже если они не повторяются.

Кто-то может здесь возразить: «Разве только Коран содержит уникальные фразеологические обороты? В конце концов, у каждого писателя есть свой уникальный способ выражения и свои обороты, присущие именно его текстам». В каком-то смысле это, разумеется, так. Однако, как бы ни отличались друг от друга человеческие языковые стили, как бы далеко они ни отстояли друг от друга во времени и пространстве, они не всегда позволяют нам отличить их авторов друг от друга.

Нередко можно увидеть двух или более писателей с настолько похожим стилем, что их можно перепутать. Для наглядности возьмем предложение из произведения одного писателя и сравним его с предложениями из произведений других писателей. Можем, например, взять случайную подборку высказываний пяти арабских литераторов разных периодов — ал-Ма'арри, Ибн ал-Мукаффа', Ибн Хазма, Тахи Хусейна и Мустафы Садика ар-Рафи'и — и попросить кого-то соотнести авторов и их высказывания. Высказывания следующие:

1. *Ва амма-л-китабу фа джама'а хикматан ва лахван*

وأما الكتاب فجمع حكما ولهوا

2. *Ва инна хаза ла йуваллиду мин ал-хузни ва-л-асафи гайра калилин*

وإن هذا ليولد من الحزن والأسف غير قليل

3. *Йабтади'ун асалиба ва манахиджа фи назми-л-калам*

يبتدعون أساليب ومناهج في نظم الكلام

4. *Ла йахафу 'ала валадихи мин ал-йутм*

لا يخاف على ولده من اليتيم

5. *Ва лакинна-л-фанна ал-байаниййа йартафи'у 'ала залика*

ولكن الفن البياني يرتفع على ذلك

Каким бы искушенным и образованным ни был читатель, какой бы проницательной ни была его критика, даже носитель арабского языка не сможет соединить эти фразы с именами их авторов, разве что это произойдет случайно [8]. Если же, с другой стороны, мы возьмем аят Корана — любой аят, будь он коротким или длинным — и возьмем эти пять фраз авторства пяти человек, хотя они и относятся к совершенно разным периодам и принадлежат к различным литературным школам, большинство неискушенных читателей Корана легко отличат аяты Священной Книги.

Уникальные по интенсивности коранические конструкции

Существует множество уникальных коранических конструкций и выражений, которые не повторяются, и мы легко обнаружим многие из них на любой странице Корана. Чтобы удостовериться в объективности и полноте наших выводов, мы можем взять первую полную страницу коранического текста, которая в большинстве печатных изданий Корана содержит аяты 6–16 суры «Корова» [2]. Даже этот маленький пример покажет, сколь многочисленны и разнообразны такие конструкции и выражения. На одной этой странице мы находим, по меньшей мере, 23 из них, и каждая имеет собственную структуру, которая выделяет ее не только из ряда выражений и конструкций,

распространенных в арабской поэзии и прозе, но и из тех, которые относятся к пророческому преданию, а также отличает ее от других выражений и конструкций, встречающихся на той же самой странице Корана.

Мы увидим, что, в дополнение к своей уникальности и особенности и несмотря на влияние Корана на арабский язык как таковой, на ту привлекательность, какой обладает его стиль для арабских писателей вот уже столько веков, большинство этих выражений и конструкций остались уникальными для самого Корана и благодаря этому легко отличаются от оборотов человеческой речи. Мы не найдем ни одного подобного феномена ни в одном литературном языке вплоть до наших дней. Далее приводятся структуры, о которых я писал выше:

1. **Айат 6:** *сава'ун 'алайхим а-анзартахум ам лам тунзирхум ла йу'минун*

...неверующим безразлично, предостерег ты их или не предостерег. Они все равно не уверуют.

2. **Айат 7:** *ва лахум 'азабун 'азим*

...Им уготованы великие мучения.

3. **Айат 8а:** *ва мин ан-наси ман йакулу аманна*

Среди людей есть такие, которые говорят: «Мы уверовали...»

4. **Айат 8б:** *ва ма хум би-му'минин*

...Однако они суть неверующие.

5. Аят 9: *ва ма йахда'уна илла анфусахум ва ма йаш'урун*

...но обманывают только самих себя и не осознают этого.

6. Аят 10а: *Фи кулубихим марадун фа задахум Аллаху марадан*

Их сердца поражены недугом. Да усилит Аллах их недуг!

7. Аят 10б: *ва лахум 'азабун алимун*

...Им уготованы мучительные страдания... (Тут мы имеем повторение конструкции 2, приведенной выше.)

8. Аят 10в: *бима кану йакзибун*

...за то, что они лгали.

9. Аят 11а: *ва иза кила лахум ла туфсиду фи-л-арди*

Когда им говорят: «Не распространяйте нечестия на земле!»

10. Аят 11б: *калу иннама нахну муслихун*

...они отвечают: «Только мы и устанавливаем порядок».

11. Аят 12а: *А-ла иннахум хум ал-муфсидун*

Воистину, именно они распространяют нечестие...

12. Аят 12б: *ва лакин ла йаш'урун*

...но они не осознают этого.

13. **Айат 13а:** *ва иза кила лахум амину кама аман ан-насу*

Когда им говорят: «Уверуйте так, как уверовали люди...»

14. **Айат 13б:** *калу а-ну'мину кама амана ас-суфаха'*

...они отвечают: «Неужели мы уверуем так, как уверовали глупцы?»

15. **Айат 13в:** *А-ла иннахум хум ас-суфаха'*

...Воистину, именно они являются глупцами...

16. **Айат 13г:** *ва лакин ла йа'ламун*

...но они не знают этого.

17. **Айат 14а:** *ва иза лаку-л-лазина аману калу аманна*

Когда они встречают верующих, то говорят: «Мы уверовали...»

18. **Айат 14б:** *ва иза халау ила шайатинихим*

«...Когда же они остаются наедине со своими дьяволами...»

19. **Айат 14в:** *калу иннама нахну мустахзи'ун*

...они говорят: «Воистину, мы — с вами. Мы лишь издеваемся».

20. **Айат 15а:** *Аллаху йастахзи'у бихим*

Аллах поиздевается над ними...

21. **Айат 15б:** *ва йамуддухум фи тугйанихим йа'ма-хун*

...и увеличит их беззаконие, в котором они скитаются вслепую.

22. Аят 16а: *ула'ика-ллазина-штарау ад-далалата би-л-худа*

Они — те, которые купили заблуждение за верное руководство...

23. Аят 16б: *ва ма кану мухтадин*

...и они не последовали прямым путем.

Как может быть видно из приведенного выше списка, четыре из коранических конструкций в этом пассаже повторяются дважды. Однако ни одна из 23 конструкций и выражений, содержащихся в этом списке, непохожа на какую-либо конструкцию или выражение, которые можно найти в некораническом арабском языке, включая язык, использованный в пророческих хадисах. Следовательно, если бы мы смешали любое из этих выражений или любую из этих конструкций с теми, что используются в арабской поэзии или прозе, читатели легко смогли бы выделить их как относящиеся к Корану, а не к чему-либо другому.

Как же в таком случае ощущали себя арабы, жившие на Аравийском полуострове в седьмом столетии, имея дело с этой бурей экспрессии, обрушившейся на них из Мекки? Какое положение занял язык Священного Корана в отношении массивной лингвистической традиции, процветавшей в доисламскую эру? Какой была тогда реакция арабов, которые на тот момент уже привыкли

торговать на лингвистическом «базаре», предлагая не более чем несколько сотен базовых повторяющихся лингвистических шаблонов или штампов, когда совершенно внезапно они соприкоснулись с книгой, наполненной тысячами новых лингвистических форм, ранее неведомых их поэзии и прозе и оставшихся неведомыми для арабской литературы грядущего времени?

Коранические языковые шаблоны: их природа и композиция

Уникальность, проявляющаяся на уровне коранических паттернов и отдельных слов, а также на уровне отношений между словами, конструкциями и выражениями, служит для создания особого языка, который даже рядовой читатель вряд ли смог бы перепутать с узнаваемыми человеческими стилями. Отличить кораническую речь от речи обычного человека нам позволяют не только особые коранические термины. Речь идет даже не о коранических конструкциях или уникальном ритме коранического языка. Нас поражают не коранические образы сами по себе, и даже не боговдохновенные послания со всей их мудростью, торжественностью, важностью, вневременностью и способностью простираться за пределы простых человеческих посланий и качеств. И это не особый божественный дискурс с его мощью, уверенностью, мастерством, знаниями, авторитетом и превосходством над слабым человеческим духом. Уни-

кальность коранического текста превосходит все сказанное, ведь все эти элементы сливаются воедино в лингвистические единицы и конструкции, которые, даже если их смешать с тысячами человеческих высказываний, фраз и предложений, все равно будут однозначно говорить нам о своем кораническом происхождении.

Малейшее изменение в кораническом паттерне или шаблоне приведет к утрате стихотворного размера. В действительности существует столько же размеров, сколько есть коранических лингвистических паттернов. Эти размеры основаны не на гласных и согласных, как это имеет место в ритмической прозе, и подчиняются они не человеческим правилам, управляющим расположением и однородностью букв. В действительности коранические паттерны, о которых мы говорим, отходят от этих правил бесчисленное количество раз, причем именно этот отход от правил делает их все более текучими и искусными. Следующий аят, например, содержит шесть букв *мим* в близкой расположенности: *ва ман азламу ми-мман мана'а масаджида-Лахи ан йузкара фиха-смуху* («Кто может быть несправедливее того, кто запрещает в мечетях Аллаха поминать имя Его и стремится разрушить их?..» [сура «Корова», 2: 114]. Если читать это место по правилам таджвида, то получается:

Ва ман азламу ми-мма-мманана'а — وَمَنْ أَظْلَمُ مِمَّنْ مَنَعَ

В суре Худ [11: 48] мы видим восемь букв *мим* в близком соседстве: *ва 'ала умамин ми-мман ма'ака*

(«...и теми народами, которые с тобой...»), которые, в соответствии с правилами таджвида, произносятся как:

Умами-мми-ммам ма — وَعَلَى أُمِّ مِّمَّنْ مَعَكَ.

Тем не менее, несмотря на эту длинную череду букв *мим*, она не кажется громоздкой или тяжело-весной, как было бы, если бы мы встретили их в каком-либо обычном тексте.

Размер, или коранический ритм, складывается из других тонких факторов и элементов, которые имеющиеся у нас критические инструменты, как я полагаю, все еще неспособны уловить и определить. Это наблюдение было подтверждено рядом западных мыслителей, в процессе изучения Корана научившихся воспринимать его по-особенному. Они описывали необычное психологическое влияние, которое оказывал на них Коран, даже если они не понимали значения текста. Автор Джеффри Лэнг пишет о таких мыслителях:

Как известно многим обращенным, необязательно быть мусульманином для того, чтобы чувствовать эту внутреннюю силу Корана, ибо многие из них выбирали ислам после таких моментов и в связи с ними. Об этом также говорили многие ученые-немусульмане, изучавшие Коран. Британский ученый-арабист, Артур Дж. Арберри вспоминал, как Коран поддерживал его в трудные минуты жизни. Он утверждал, что слушание Корана, который декламировался по-арабски, было для него подобно слушанию собственного

сердцебиения. Фредерик Денни, писатель-нему-сульманин, вспоминает «чудесный трепетный опыт», который он иногда испытывал во время чтения Корана — когда читатель начинает чувствовать «сверхъестественное, иногда пугающее присутствие». Вместо чтения Корана читатель начинает чувствовать, как Коран «читает» своего читателя! [10].

Однако, описывая устройство новой лингвистической ткани коранического текста, мы не должны терять из виду тот факт, что в действительности эта ткань остается «новой» по сей день. Все, что говорит или пишет человек, с течением времени неизбежно устаревает. Лингвистические паттерны, внедренные когда-то доисламскими поэтами, были новыми в момент своего появления. Однако прошло не так уж много времени, когда они стали старыми и избитыми, раз за разом повторяемыми разными поэтами. Что касается лингвистических паттернов Корана, большинство из них словно остановили время на моменте своего ниспослания, и никакое количество повторений не может лишить их новизны.

Язык, который использовался Пророком Мухаммадом, имел две различные формы: *хадис ал-кудси* (священного предания), т. е. высказываний, значение которых Пророк получал посредством Божественного вдохновения и которые он доносил своими собственными словами; и обычных хадисов — принадлежащих самому Пророку вы-

сказываний, которые он формулировал самостоятельно, своими словами. Язык хадисов в обоих случаях был отмечен чрезвычайным уровнем красноречия и выразительности, сохранив в то же время некоторые черты обычной человеческой речи, четко и недвусмысленно отличающие его от неподражаемой Божественной речи, содержащейся в Коране. Представьте, что директор фабрики собирает своих рабочих вместе и произносит перед ними речь, в которой сообщает, что каждый из них отвечает за свои собственные ошибки. Сообщая эту идею, он хочет использовать хорошо известную фразу из Корана *ва ла тазиру визаратун визра ухра* («Ни одна душа не понесет чужого бремени...» [сура «Фатир», 35: 18]), но не цитируя ее прямо. Тогда он пытается перефразировать ее, заменив некоторые коранические термины своими словами, но сохранив ее лингвистическую структуру как таковую. Для этого он заменяет арабский корень *в-з-р*, использованный в этом аяте, словами, происходящими от корня *х-м-л*, и говорит *ва ла тахмилу хамилатун химла ухра*. Позаимствовав этот крайне характерный коранический лингвистический паттерн, он выходит за рамки акта цитирования или парафраза. Он сохраняет структуру неизменной, внедряя в нее свои собственные слова, заменяя слова, используемые в Коране, словами, несущими похожее значение и повторяющими тот же размер. Однако в итоге получается лишь смехотворное лингвистическое искажение.

«Сочините хотя бы одну суру, подобную этим» [Коран, 10: 38]

Вот почему наши предшественники в вере смеялись над людьми, которые наивно пытались отвлечь от Корана и от ислама при помощи неуклюжих, ущербных лингвистических структур, выдавая их за коранические суры. И поэтому мы смеемся сегодня, когда люди продолжают предпринимать такие глупые попытки. Они пытаются, как могут, внедрить в Коран нечто чуждое ему или сформулировать предложение или даже фразу, которая возвышалась бы до уровня лингвистического чуда Корана, но их подделка сразу же выявляется безупречной уникальностью Корана на уровне как отдельных слов, так и целых структур, подобно тому как тесты ДНК выявляют тех, кто пытается объявить отцом ребенка чужого человека или обвинить кого-то в действии, которого тот не совершал. Язык Корана принципиально отвергает всякие лингвистические новшества, приносимые в него со стороны, и в процессе вторжения чужеродная ткань этих новшеств отторгается лингвистической тканью коранического текста.

Ключевые особенности речи Пророка

У нас есть бесчисленное количество сообщений о том, что говорил Божий Посланник. Поэтому мы можем задаться вопросом: характерны ли эти особенности Небесного языка и для его собственной

речи? Получится ли у нас такая же смешная и ничтожная мешанина слов, если мы проделаем такой же эксперимент со словами Пророка, как мы это сделали выше с фразой из Корана? Как мы можем быть уверены в том, что язык Пророка, каким бы возвышенным, превосходным и уникальным ни был его стиль, является именно человеческой речью, которая может стать жертвой подделки и внедрения чужеродных элементов?

И снова, дабы не впадать в субъективность и избирательность и не принимать лишь желательные для нас результаты, последуем описанному выше принципу, согласно которому мы рассматривали паттерны на случайной странице Корана и остановились на одной из самых ранних сур (сура 74, «Завернувшийся»). Посему используем хадис, содержащийся в открывающем разделе книги «Сады праведных» имама ан-Навави, которая является одним из наиболее известных сборников хадисов Пророка. В этом хадисе мы видим разницу между речью Бога и речью Пророка.

‘Умар ибн ал-Хаттаб (да смилуется над ним Аллах) говорил: «Я слышал, как Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, сказал: „Поистине, дела (оцениваются) только по намерениям и, поистине, каждому человеку (достанется) только то, что он намеревался (обрести). Так, совершивший переселение к Аллаху и посланнику Его переселится к Аллаху и посланнику Его, а переселявшийся ради чего-нибудь мирского или ради женщины, на которой он хо-

тел жениться, переселится (лишь) к тому, к чему он переселялся» [11].

Каждый из нас легко мог бы составить свое собственное высказывание, основанное на структуре, наличествующей в первых словах Пророка: *иннама ал-а'малу би-н-нийат* (переведены выше как «поистине, дела (оцениваются) только по намерениям»). Кто-то мог бы сказать, например: *иннама ал-'ибра би-н-ната'идж* («доказательство (раскрывается) в результатах»), не нарушая признанных лингвистических традиций и не вызывая насмешек или возражений. Столь же легко было бы составить собственную фразу на основании второго лингвистического шаблона из приведенного выше хадиса *ва иннама ли кулли имри'ин ма нава* («и каждый индивид будет судим на основании его намерений»). Вы можете сказать, например: *ва иннама ли кулли мутасабикин ма ахраза* («каждый участник получит то, что заслужил»), и получившаяся фраза не покажется вам неуклюжей и не вызовет саркастических комментариев. Таким же образом вы легко можете использовать бытовой язык для составления высказываний на основе конструкций из оставшейся части приведенного хадиса. Имитируя паттерн *фа ман канат хиджратуху ила-Ллахи ва расулихи, фа хиджратуху ила-Ллахи ва расулихи* («так, совершивший переселение к Аллаху и посланнику Его переселится к Аллаху и посланнику Его»), вы можете сказать: *фа ман канат гайатуху ал-хайр, фа аджруху 'азим* («если у кого-то есть цель совершить хорошее де-

ло, его награда будет большой»), и на основании паттерна *ва ман канат хиджратуху ли дунйа йусибуха ау имра'атин йанкихуха, фа хиджратуху ила ма хаджара илайхи* (выше переведен как «а переселившийся ради чего-нибудь мирского или ради женщины, на которой он хотел жениться, переселится (лишь) к тому, к чему он переселялся») вы можете сказать: *ва ман канат гайатуху малан йарбахуху ау шухратан йаналуха, фа аджруху хува ма-хтара ли нафсихи* («а переезжающий, чтобы заработать денег или достичь славы, будет награжден лишь тем, что он избрал для себя»), не накликая на себя насмешек или недоумения у тех, кто будет читать написанное вами или слушать то, что вы сказали.

В действительности корпус подлинных хадисов Пророка был поражен тысячами подделок. Однако наши ученые сумели идентифицировать чужеродные, поддельные хадисы. Благодаря разработанным ими методам они смогли с практически полной уверенностью отличить достоверные хадисы от поддельных. В ряде дошедших до нас высказываний Пророк Мухаммад предостерегал о возможности таких подделок и предложил не один принцип оценки текста, используя которые, мусульмане могли бы отличать подлинные его слова от тех, которые плагиаторы будут использовать в личных целях. В одном из таких хадисов он утверждает:

Если вы услышите высказывание, приписываемое мне и которое узнают ваши сердца (умы), и

если вы чувствуете, что это близко вам, я буду еще более готов признать это, чем вы сами. Если же, с другой стороны, вы услышите высказывание, которое приписывается мне, но ваши сердца отвращаются от него и вы чувствуете, что оно далеко от вас, я сам буду еще более далеким от него, чем вы сами [12].

Также необходимо учитывать, что если у нас есть три версии одного достоверного хадиса, то по крайней мере две из них должны содержать слова, отличающиеся от слов самого Пророка и, как предполагается, добавленные передатчиками, донесшими до нас этот хадис. Однако эти минимальные изменения в формулировках никак не сказываются на лингвистическом стиле Пророка, не разывают его и не отвращают от него.

Новизна в конструкциях и выражениях

Безусловно, когда мы изучаем конструкции (*таракиб*, ед. ч. — *таркиб*), выражения (*та'бират*, ед. ч. — *та'бир*), паттерны (*саба'ик*, ед. ч. — *сабика*) и лингвистические связи в Коране, нам бывает трудно разграничить эти элементы. Однако в этой конкретной главе мы попытаемся оставаться в лингвистической сфере, охватывающей то, что я обозначил терминами «конструкции» (*таракиб*) и «выражения» (*та'бират*). Мы не будем, к примеру, заниматься рассмотрением отдельных слов. Также мы не будем рассматривать лингвистические единицы, состоящие из четырех и более слов, по-

сколько это привело бы нас в сферу *саба'ик*, или паттернов, которые являются бóльшими лингвистическими единицами и имеют иную структуру. В дальнейшем обсуждении мы ограничимся формулировками, состоящими из двух или трех слов и демонстрирующими новые грамматические или риторические связи, которые не прослеживались в арабском языке до появления Корана. Границы между конструкциями (*таракиб*) и выражениями (*та'бират*) часто накладываются друг на друга, что иногда затрудняет их различение. Однако в целях данного исследования мы будем определять конструкцию, или *таркиб*, как словосочетание, которое не доносит целостную мысль и состоит главным образом из частиц, союзов, предлогов, отдельных букв и т. д., тогда как выражение, или *та'бир*, определяется как словосочетание, содержащее в целом законченную мысль и состоящее преимущественно из имен существительных или глаголов.

Кораническая конструкция (таркиб)

За то недолгое время, пока Коран ниспосылался людям, он привнес в арабский язык тысячи новых конструкций и выражений. Эти конструкции и выражения наполняют суры Корана, короткие и длинные, и многие из них вошли в арабский язык на уровне как литературного творчества, так и повседневного употребления, хотя большинство их остались присущими только Корану, поскольку

их явная самобытность препятствовала проникновению в другие языковые сферы.

Можно насчитать десятки таких конструкций при каждом прочтении Корана. Однако мы не останавливаемся на них и не видим в них ничего необычного или поразительного. Это связано с тем, что мы так привыкли к Корану, что ожидаем увидеть в нем именно такие явления. Но если мы пристально их рассмотрим, на время опустошив нашу память, забыв о знакомстве с языком Корана и вернувшись к нашему обычному, повседневному языку, письменному или устному, словно мы никогда и не знали ничего другого, — мы внезапно столкнемся лицом к лицу с полностью новым языком, никак не связанным с повседневным языком человека, хотя и основанным на тех же самых правилах (см. прил., табл. 1).

Достаточно быстрого взгляда на приведенный выше список конструкций, большинство из которых встречаются в Коране неоднократно, чтобы убедиться в том, насколько они отличаются от конструкций, используемых арабами в повседневной жизни.

Несмотря на то, что подобные конструкции редко встречаются в речи, и учитывая, что состоят они преимущественно из частиц, союзов, предлогов, отдельных букв и т. д., мы можем насчитать двенадцать новых конструкций в суре «Завернувшийся» (см. прил., табл. 2).

Когда мы задаемся вопросом, сколько новых выражений содержится в этой суре, правильное

было бы спросить, содержит ли эта сура хоть одно выражение, которое *не было бы новым*. Сура «Завернувшийся» состоит из 56 аятов, занимающих менее двух страниц. Тем не менее мы можем насчитать как минимум 65 новых коранических выражений только в этой суре, вместе с 12 новыми конструкциями, и все это в лингвистическом пространстве всего лишь 56 аятов, по крайней мере 30 из которых состоят только из двух или трех слов.

Это значит, что данная сура едва ли содержит хоть одно выражение, которое было в обиходе в арабском языке до ниспослания Корана. Еще более экстраординарным и удивительным является то, что 52 из 65 новых выражений встречаются только в этой конкретной суре. Это снова подтверждает не только новизну языка Корана, но и то, что каждая сура Корана отмечена своей особенной языковой индивидуальностью. Это явление, которое мы будем постоянно рассматривать в нашем исследовании коротких сур во втором томе.

Таблица 3, приведенная ниже (см. прил.), отображает 65 новых выражений, обнаруживаемых в суре «Завернувшийся».

За исключением двух выражений — *ла тубки ва ла тадар* в аяте 28 и *йаша'у-Ллаху* в аяте 56, — оба из которых затем стали использоваться как в формальной, так и, в меньшей степени, в неформальной арабской речи, оставшиеся выражения остаются характерными лишь для Корана.

Отдельные слова и чудесное сочетание новизны и ясности

В ткань Корана вплетены новые слова — это факт, который побудил многочисленных западных скептиков заявить, что язык Корана не является подлинно арабским. Такие скептики, кажется, не заметили, что в самом Коране неоднократно утверждается, что он был ниспослан «на ясном арабском языке» [сура «Поэты», 26: 195].

Недавним сторонником такой радикальной точки зрения стал немецкий востоковед Кристоф Люксенберг, который в своей книге «Сиро-арамейское прочтение Корана», изданной в Германии в 2000 г., заявляет, что Коран был «сфабрикован» Мухаммадом, сочинившим его на основе христианских текстов. Утверждения о том, что Коран происходит из христианских источников, постоянно повторяются ориенталистами и христианскими проповедниками. Согласно Люксенбергу, языком Корана является не арабский, а сиро-арамейский — язык, на котором говорили торговцы, когда-то часто посещавшие Мекку и смешивавшиеся с ее жителями. Люксенберг доходит до того, что утверждает, будто в свете этого «факта», смыслы Корана оказываются совершенно отличными от того, что о них думают мусульманские толкователи [14].

Не стоит и говорить, что тезис Люксенберга о сиро-арамейском происхождении Корана был дискредитирован подавляющим большинством ученых, как мусульман, так и немусульман, несмотря

на ажиотаж и фанфары, часто сопровождающие подобные демонстративно ложные обвинения.

В действительности, вопреки заявлению Люк-сенберга, новые слова, содержащиеся в Коране, встречаются в формах, которые соответствуют критериям, лежащим в основе арабского языка, и его лингвистическим правилам. Едва ли хоть один термин во всем Коране отходит от этих форм. Более того, новые слова, введенные Кораном, встречаются в уникальном лингвистическом контексте, дающем читателям возможность понять, что они означают, несмотря на их новизну. Таким образом, сочетание новизны и ясности является еще одним аспектом инновационного чуда, нашедшего свое проявление в языке Корана.

Важность новых терминов, находимых в Коране

Важным событием для арабского поэта или литератора считалось введение какого-то нового термина, особенно если этот термин имел такое воздействие на сердца и умы людей, что входил в повседневную речь и подхватывался другими поэтами и писателями. Появление даже одного такого слова в произведениях данного поэта могло привести к тому, что это слово начинали использовать для упоминания о самом поэте до такой степени, что оно заменяло его настоящее имя. Мы находим, например, что доисламский поэт ан-

Набига аз-Зубйани (ум. 604) приобрел свое имя, под которым он прославился, благодаря своему выражению *фа кад **набагат** лана минхум шу'унун* — رَقَّشَ فِي ظَهْرِ الْأَدِيمِ قَلَمٌ; ал-Мураккаш ал-Акбар получил свое имя благодаря своему высказыванию ***рак-каша** фи захри-л-адими калам* — رَقَّشَ فِي ظَهْرِ الْأَدِيمِ قَلَمٌ, тогда как прозвище, приклеившееся к ал-Мусаййабу ибн 'Аласу (ум. 575), происходит из его выражения *гизаран фа кулу **ли-л-мусаййаби** йалха-ки* — غَزَارًا فَقُولُوا لِلْمُسَيَّبِ يَلْحَقُ.

Изучая язык Священного Корана, мы должны учитывать некоторые факты, в особенности связанные с его новыми терминами. Даже маленький ребенок мог бы легко изобрести любое количество новых слов, имея в своем распоряжении двадцать девять букв. Он может перетасовывать эти буквы как угодно и порождать благодаря этому буквально миллионы новых слов. Но остается важный вопрос: кто поймет эти слова впоследствии и какова их литературная ценность? Именно в этом наиболее отчетливо проявляется реальность коранического чуда. Ибо жившие в пустыне арабы седьмого столетия не просто поняли представленный им текст, когда впервые услышали его, несмотря на то что его язык был новым во всех своих фундаментальных элементах и измерениях: в словах, частицах, именах и глаголах, в своих конструкциях, выражениях и паттернах, во взаимоотношениях между словами и в граммати-

ческих нововведениях, в его новых концепциях и правовых постановлениях, в его исторических сообщениях и в его научных фактах. Их реакция не ограничивалась простым пониманием услышанного — речь шла о восхищении и чувствах столь интенсивных, что они граничили со ступором. Как уверовавшие, так и скептики сразу же признали превосходство Корана, а также невозможность достижения таких высот кем-либо иным.

Новые коранические термины с легкостью можно отнести к одной из следующих пяти групп:

1. Слова, которые уже были известны арабам, но которые Коран наделил новыми смыслами. Эти смыслы можно было понять, основываясь на лингвистическом и риторическом контексте. Примеры таких слов: *султан* (власть), *марад* (болезнь, метафора для отсутствия веры), *тавалла* (отвращаться), *ас-лама* (покориться (Богу)), *ад-дунйа* (земная жизнь, земная юдоль), *ас-салихат* (праведные поступки), *аш-шухада'* (мученики), *ар-рух* (дух, душа, ангел Джибрил), *хаши'ун* (благоговейный), *набтахилу* (вознесение мольбы к Господу), *иср* (ноша, метафора для запрещенного), *киتاب* (Божественное Откровение), *ал-баййина* (явное, метафора для исламского откровения), *ал-бирр* (набожность, праведность), *'ивадж* (кривизна, бесчестие), *ал-харс* (злаки, пашня, обработка земли, метафора для жены), *йанзурун* (принимать во внимание, судить), *йастун* (нападение, атака), *ал-мухтадун* (праведно ведомые, мета-

фора для обозначения верующих), *ал-бурудж* (башни, созвездия), *ал-кадр* (предопределение), *йакдир* (наделить, предопределить) и *йукаддир* (распределять, размышлять, уделить).

2. Новые с точки зрения этимологических производных, но образованные от лингвистических корней слова, которые уже были знакомы арабам того времени. Эта категория обширнее предыдущей и включает такие слова, как: *атаху* (он дал ему), *малакут* (царство, владение), *тагут* (силы зла), *ал-джахилийя* (времена невежества, то есть доисламская эра), *салават* (храмы, молельни), *хаду* (последовали иудейской вере), *маками'* (ограничения, железные кандалы), *ал-фуркан* (то, что различает истину и ложь), *ар-раким* (надпись), *маркум* (записанный, зарегистрированный, запись, или регистр), *ал-михраб* (ниша), *ал-касас* (рассказы), *гузза* (борьба), *ал-мухтазир* (овчарня), *ал-ан'ам* (скот), *дах-хаха* (распростер ее (Землю)), *су'ур* (глупость, сумасшествие), *тазавар* (уклоняться от), *мул-тахад* (убежище), *ал-'адун* (преступающие, те, кто выходит за установленные границы), *раббанийун* (люди Бога), *канитун* (покорные), *ал-мунафикун* (лицемеры), *'иллийун* (книга, в которой записаны добрые деяния праведников), *шакур* (глубоко благодарный — о человеке), отвечающий на благодарность — о Боге), *ал-хайаван* (подлинная жизнь), *ал-су'а* (зло), *ас-салсабил* (источник в Раю), *тил-*

ка' (по направлению к), ва'адна (назначили, встретились с).

3. Слова, которые, пройдя этап новизны, перешли в фазу обогащения и взаимодействия с повседневной жизнью. Эта последняя фаза характеризуется стабильностью и широким использованием в быту. В таких случаях слова или словосочетания, о которых идет речь, приобретали характеристики «особых терминов», способных передавать гораздо более широкое и всеохватывающее значение, нежели прежде. Примеры таких слов или терминов включают: *му'мин* (верующий), *кафир* (неверный), *зикр* (помянуть, исламское откровение), *масаджид* (места поклонения, букв.: 'места, где человек склоняется в поклоне'), *ас-са'а* (День Воскресения, букв.: 'час'), *аджр* (вознаграждение, особенно в грядущей жизни), *ат-таква* (богобоязненность, набожность), *хасана* (хорошее деяние, букв.: 'нечто прекрасное'), *саййи'а* (плохое деяние), *никах* (брак), *ал-гайб* (сфера сокрытого), *аш-шахада* (мир восприятия), *ас-салам* (молитва), *аз-закат* (очищающий налог), *ал-иман* (вера), *ал-джихад* (борьба, сражение), *аш-ширк* (приписывание сотоварищей, *шурака'*, единому Богу), *ал-ахира* (жизнь грядущая), *ал-кийама* (воскресение) и *ан-нар* (адское пламя).
4. Слова, которые ранее не употреблялись арабами и не были им известны и корни которых также были им незнакомы, но которые

Коран использовал в лингвистическом контексте, позволявшем выводить их значение путем дедукции. Большинство слов, относящихся к этой категории, являются арабизированными формами слов из других языков, в частности из фарси, греческого, амхарского, набатейского, сирийского, иврита и коптского. Примеры: *сират* (прямой путь), *субханака* (слава Тебе (, о Господи)), *абб* (трава), *касвара* (лев), *сиджджин* (книга, в которой записаны злодеяния грешников), *барзах* (барьер, место в промежутке), *сиджилл* (запись), *сиджджил* (камень и глина; нечто твердое, как обожженная глина), *таннур* (глиняная печь), *диза* (несправедливый), *камтарир* (мучительный, гневный), *сундус* (шелк), *истабрак* (парча), *абарик* (кувшины, чаши), *ал-кист* (равенство, справедливая мера), *ал-кистас* (полная мера), *ал-фирдаус* (Рай), *мишках* (ниша для лампы), *туба* (счастье, благословенность), *каратис* (бумаги), *сурадик* (палатка, шатер), *илл* (пакт, соглашение, кровные узы), *курсийй* (стул, трон), *ара'ик* (ложа), *джибт* (яма) и *йамм* (открытое море).

5. Слова, приобретшие свою новизну благодаря аллегорическому или фигуральному значению, которым Коран наделил их. В действительности большинство слов в различных языках мира рождены таким образом. Коран обогатил арабский язык сотнями таких слов, чье переносное значение дотоле не было из-

вестно арабам. К таким словам относятся: *ислам* (подчинение, покорность), *куфр* (сокрытие, утаивание (истины посредством неверия)), *йатазакка* (быть очищенным посредством веры), *сидрат* (лотосовое дерево), *ал-мизан* (весы (на которых будут «взвешены» хорошие и плохие деяния в Судный день)), *харс* (обрабатывание, использованное в плане обработки почвы и/или жены, в смысле половой близости), *ал-худа* (руководство (ведение по пути истины)), *ад-далала* (утрата пути, ошибка), *ат-таква* (набожность, богобоязненность, избежание (Божьего гнева посредством благочестия и совершения добрых дел)), *умма* (нация, народ, сейчас используется для обозначения мусульманской общины в целом), *либас* (одевание, одежда, в метафорическом плане используется для обозначения духовного убежища или защиты), *мухсанат* (благочестивые женщины, букв.: 'недоступные'), *айа* (знак, чудо; используется для обозначения стихов Корана), *ал-авваб* (тот, кто возвращает, используется по отношению к Богу, чтобы показать, что до Него доходят мольбы обращающихся к Нему), *ал-аджал* (назначенное время, смерть), *вазира* (несущий ношу, человеческая душа), *ал-хафира* (земля или почва), *ас-сахира* (состояние полного пробуждения, осведомленности) и *ал-хуннас* (скрытые, или невидимые звезды).

Тем не менее, как станет понятно читателям, мы не полагаемся на простое перечисление новых слов в Коране для доказательства чудесности его языка. Это подтверждается тем, что из 58 новых лингвистических явлений, которые можно идентифицировать в суре ал-Фатиха, только 5 являются новыми отдельными словами, а именно: *ар-Рахман*, *ал-'аламин*, *ад-дин* (в смысле Судный день), *ас-сират* и *ад-даллин*.

Коран содержит свои собственные уникальные слова, равно как и собственные уникальные паттерны, конструкции и лингвистические связи. Однако мы должны осознавать два существенных различия в роли коранических слов, с одной стороны, и коранических паттернов — с другой. В отличие от коранических паттернов (*саба'ик*), большинство отдельных слов в Коране не были новыми для арабского языка времен Пророка. И не составляло большого труда позаимствовать и использовать такие отдельные слова в повседневной арабской речи, чего не скажешь об особенных лингвистических паттернах, находимых в Коране. Таким образом, коранические лингвистические паттерны являются своего рода «отпечатками пальцев» Священной Книги, которым никогда не смогут подражать человеческие лингвистические паттерны.

Новые слова в суре «Завернувшийся»

В суре «Завернувшийся», которая состоит из 256 слов и занимает менее двух страниц, мы легко

можем насчитать не менее 84 новых слов. Другими словами, почти треть слов в этой суре новые.

Вот примеры таких слов:

1. *Ар-Руджз*: новый термин, использованный для обозначения идолов или мучения.
2. *Ан-Накур*: новый термин, используемый для обозначения трубы, в которую будет дуть ангел Исафил в преддверие Судного дня.
3. *Са'удан*: метафорический образ, в котором мучение сравнивается с восхождением по крутому склону.
4. *Басар*: новое слово, означающее, что лицо человека потемнело.
5. *Лавваха ли-л-башар*: фраза, наделенная новым значением, а именно: изменение цвета кожи (*ал-башара*) или ясное воззвание к людям (*ал-башар*).
6. *Кафару*: то есть они отвергли призыв к исламу. Изначальное значение глагола кафара — 'скрывать' или 'покрывать'; следовательно, суть заключается в том, что они скрыли истину посредством закрытия своих умов и сердец для нее.
7. *Уту*: новая формулировка и новое значение, а именно: 'им было даровано'.
8. *Рахина*: производное от глагола, означающего 'закладывать' или 'удерживать залог', слово *рахина* ('заклад, залог') используется в значении 'отчитываться за'.
9. *Салакакум*: новая форма, используемая вместо *адхалакум* 'привел вас в'.

10. *Сакар*: новый термин, означающий *Джаханнам* 'Ад'.
11. *Касвара*: новый термин, означающий 'лев', либо 'лучники', либо 'луки'.
12. *Ал-Магфира*: новое слово для обозначения прощения.

Новое использование частиц в суре «Завернувшийся»

В дополнение ко множеству новых слов, которые наполняют суру «Завернувшийся», она содержит не менее 14 случаев нового употребления арабских частиц (*адават*). Например, союз *фа* помещен в иное положение, нежели принято в арабском языке. По правилу *фа* помещается между двумя глаголами или двумя именами существительными; его функция заключается в связывании второго глагола с первым, или второго имени существительного с первым. Вместо этого мы видим, что в трех айатах подряд (айаты 3–5) он помещен между прямым объектом (который начинает фразу, а не заканчивает ее) и его глаголом (который помещается после прямого объекта, а не перед ним). Следовательно, айаты 3–5 читаются следующим образом: *ва раббака фа каббир* («Господа своего величай!»), *ва сийабака фа таххир*. («Одежды свои очищай!»), *ва-р-руджза фа-хджур*. («Идолы сторонись!»). В аяте 7 мы находим его между предложным оборотом и глаголом, с кото-

рым сочетается этот предлог: *ва ли раббика фа-сбир* («Ради Господа твоего будь терпелив!»).

Кроме того, мы видим, что слово *калла*, которое в норме используется для выражения категорического «Нет!», в айатах 16, 32, 53 и 54 используется для порицания, устрашения или, возможно, в значении 'воистину'.

В айатах 19 и 20 — *фа кутила кайфа каддара*, *сумма кутила кайфа каддар* (которые Асад перевел как «и таким образом он уничтожает сам себя посредством того, как мыслит: да, он уничтожает сам себя посредством того, как он мыслит!», а 'Абдаллах Йусуф 'Али как: «Да сгинет он! Как он рассчитал?! Да сгинет он еще раз! Как он рассчитал?!») — вопросительная частица *кайфа* не используется в вопросительном смысле, как это было бы в некораническом арабском. Не используется она и в виде наречия. Вместо этого она используется в смысле, близком к *харф масдари* [15], а в таком случае она может переводиться вместе с глаголом, который следует за ней, в данном случае это пассивный глагол *кутила*. В этом случае смысл фразы будет таким: *кутила такдируху*, что буквально означает: 'его мысли (или замыслы) были убиты', то есть уничтожены, или 'да сгинут, да будут убиты его мысли (замыслы)'. Еще одно толкование может быть таким: *кутила джаза'а такдирихи* — 'он был убит (погублен)' или 'да будет он убит (уничтожен)' — в виде воздаяния за его мысли (замыслы). Если мы примем любое из этих толкований, не будет основания для понимания слова *кайфа* в том виде, в каком оно исполь-

зуется в этих двух айатах, — в качестве вопросительной частицы или как наречие.

Более того, частица *ин* в айатах 24 и 25 используется для передачи отрицания; следовательно, она выступает здесь в качестве эквивалента *ма* или *лайса*. Эти два айата читаются следующим образом: *Фа кала ин хаза илла сихрун йу'сар. Ин хаза илла каулу-л-башар.*

فَقَالَ إِنَّ هَذَا إِلَّا سِحْرٌ يُؤْتَرُ إِنَّ هَذَا إِلَّا قَوْلُ الْبَشَرِ

И сказал: «Это — не что иное, как пересказанное колдовство. Это — не что иное, как слова людей» ('Абдаллах Йусуф 'Али).

Это особенное использование частицы *ин* широко распространено и характерно только для коранического языка, как и использование глагола *кана* и фразы *ма зала* (означающей 'все еще есть', когда за ней следует глагол в настоящем времени), которые встречаются во всем Коране. Однако я все еще не нашел ни одного случая подобного употребления в доисламской поэзии.

* * *

Наличие не менее 84 новых слов в такой маленькой суре, которая была ниспослана очень рано, в начале миссии Посланника, могло вызвать настоящий катаклизм в сердцах и умах тех, кто слышал ее впервые. В таком случае неудивительно, что после прослушивания первых 13 айатов

суры «Разъяснены» [41] ‘Утба ибн Раби’а, лидер курайшитов, превосходно владевший арабским языком, вернулся к своим людям в состоянии ступора, будучи едва способным уразуметь услышанные слова. И насколько большего катаклизма можно ожидать, если мы примем во внимание, что помимо новых слов эта сура содержит десятки новых конструкций, выражений, лингвистических паттернов, метафор, утверждений, допускающих множественные толкования, и элегантных утонченных оборотов речи, не говоря уже об интеллектуальных и культурных измерениях, которые переплетаются с упомянутыми выше лингвистическими и риторическими феноменами?

Реконфигурация лингвистической единицы

Когда впервые разразился коранический шторм, он вызвал реакцию, соразмерную с важностью Священной Книги и всего того, что она принесла. Однако с течением времени влияние Корана на своих слушателей начало уменьшаться, ведь поколение за поколением люди привыкали к его языку, в результате чего начали утрачивать тот благоговейный трепет, который испытывали первые слушатели. Лингвистические новшества Корана больше не вводили людей в ступор, как это было сразу после ниспослания Книги. Одно из явлений, поначалу так сбивавшее с толку людей, — это стих, аят. Аят представляет собой новую

концепцию, которая контрастировала как с предложением (*джумла*) — базовой лингвистической единицей арабской прозы, так и с двустишием (*бейт*) — лингвистической единицей арабской поэзии. Новая лингвистическая единица, представленная аятом, разделяла то, что арабы привыкли соединять, и соединяла то, что арабы привыкли разделять. Как следствие, она открыла в общем лингвистическом фундаменте арабов разлом, который внес в арабский язык новые измерения и расширил традиционные горизонты. Давайте вместе прочтем следующий короткий отрывок из начальной части сурты «Семейство Имрана» [3]:

وَأَنْزَلَ التَّوْرَةَ وَالْإِنْجِيلَ مِنْ قَبْلُ هُدًى لِلنَّاسِ وَأَنْزَلَ الْفُرْقَانَ إِنَّ الَّذِينَ كَفَرُوا بِآيَاتِ اللَّهِ لَهُمْ عَذَابٌ شَدِيدٌ

[36] *Ва анзала т-таураата ва-л-инджиил (4) мин каблу худан ли-н-наси ва анзала-л-фуркана инна ал-лазина кафару би-айати-Ллахи лахум азабун шадид.*

[36] Он ниспослал Таурат (Тору) и Инджил (Евангелие), [4] которые прежде были руководством для людей. Он также ниспослал Различение (Коран). Воистину, тем, кто не верует в знамения Аллаха, уготованы тяжкие мучения...

Заметьте, как аят 3 заканчивается до окончания предложения, то есть перед причастием «которые», относящимся к глагольной фразе «Он ниспослал Тору и Евангелие» (*ва анзала т-таураата*

ва-л-инджил). Обратите внимание также на то, что в аяте 4 происходит нечто противоположное: аят выходит за границы предложения, заканчивающегося словами «для людей» (*ли-н-нас*), и включает начало нового предложения («Он также ниспослал...»). Затем аят 4 выходит за пределы предложения, оканчивающегося словом «различение» (*ал-фуркан*), и включает новое предложение, не имеющее грамматической связи с предшествующим: «Воистину, тем, кто не верует в знамения Аллаха, уготованы тяжкие мучения» (*инна-лазина кафару би аяти-Ллахи лахум 'азабун шадид*).

Теперь обратимся к первым пяти аятам суры ар-Рум [30]. Я поставил диагональные линии в тех местах, где мы ожидали бы окончания одного аята и начала другого, если бы эта цитата была разделена в соответствии с нашими традиционными лингвистическими единицами:

[1] Алиф. Лам. Мим. [2] Гулибат ар-Рум [3] Фи ад-на-л-ард // ва хум мин ба'ди галабихим са-йаглибуна [4] фи бид'и синина // ли-Ллахи-л-амру мин каблу ва мин ба'ду; // ва йаума'азин йафраху-л-му'минуна [5] би насри-Ллахи // йансуру ман йаша'у; // ва хува-л-'азиз ар-рахим.

[1] Алиф. Лам. Мим. [2] Повержены римляне [3] в самой низкой (или ближайшей) земле. // Но после своего поражения они одержат верх [4] через несколько лет. // Аллах принимал решения до этого и будет принимать их после этого. // В тот день верующие возрадуются [5] помощи Аллаха. // Он помогает кому пожелает. // Он — Могущественный, Милосердный.

Как должно стать понятным из этого отрывка, кораническое разделение этих пяти аятов — расстановка значков, указывающих на окончание одного аята и начало другого, — не имеет связи с теми способами, которыми мы привыкли отделять одно предложение от другого.

Новое расположение традиционных союзов и связок

Эта новая схема разделений и соединений является одной из всепроникающих характеристик лингвистического ландшафта Корана. Наиболее выдающаяся черта этой схемы — это пропуск таких союзов, как *вав*, *фа*, *из*, *инна*, *иннама* и *кад*, а также местоимений, которые имеют вид отдельных слов (таких как *хува*, *хийа*, *хум* и т. д.). Эти слова из их традиционных местоположений между предложениями и частями сложных предложений — феномен, который эродирует общепризнанные «региональные границы» языка. В качестве примера этого явления прочтем суру «Гром» [13: 33]:

А-фа ман хува ка'имун 'ала кулли нафсин бима касабат ва джа'алу ли-Ллахи шурака'а кул саммухум ам тунаббихунаху бима ла йа'ламу фи-л-арди ам би захирин мин ал-каули бал зуййина ли-ллазина кафару макрухум ва судду'ан ас-сабили ва ман йудлили-Ллаху фа ма лаху мин хадин.

Разве Тот, Кто заботится о каждом человеке и о том, что он приобретает, подобен ложным боже-

ствам? Но они приобщают сотоварищей к Аллаху. Скажи: «Назовите их! Неужели вы поведаете Ему о существующем на земле такое, что Ему неизвестно, или же это — всего лишь пустые слова?» Неверующих оболестили их собственной хитростью и сбили с пути. А для того, кого Аллах вводит в заблуждение, нет наставника.

Если мы обратим внимание на слова, пропущенные в этом аяте, и поставим их на те места, где они располагались бы, если бы то же самое значение отображалось с соблюдением наших человеческих лингвистических традиций, то результат имел бы такой вид:

А-фа [хаказа йакуну] ман хува ка'имун 'ала кулли нафсин бима касабат ва [кад] джа'алу ли-Ллахи шурака'а [фа] кул [лахум] саммухум [изан] ам [тазаннуна аннакум] тунаббихунаху бима ла йа'ламу [бима йуджад] фи-л-арди ам [инна хаза] би-захирин мин ал-каули [минкум] бал [ал-хакку аннаху кад] зуййина ли-ллазина кафару макрухум ва судду ан ас-сабили...

أَفْ[هَكَذَا يَكُونُ] مَنْ هُوَ قَائِمٌ عَلَى كُلِّ نَفْسٍ بِمَا كَسَبَتْ وَ[قَدْ]
 جَعَلُوا لِلَّهِ شُرَكَاءَ [ف] قُلْ [لَهُمْ] سَمُوهُمْ [إِذْنًا] أَمْ تَتَنَوْنُ أَنْكُمْ تُنَبِّئُونَهُ
 بِمَا لَا يَعْلَمُ [بِمَا يَوْجَدُ] فِي الْأَرْضِ أَمْ [إِنْ هَذَا] بظَاهِرٍ مِنَ الْقَوْلِ
 مِنْكُمْ] بَلْ [الْحَقُّ إِنَّهُ قَدْ] زُيِّنَ لِلَّذِينَ كَفَرُوا مَكْرَهُمْ وَصُدُّوا عَنِ السَّبِيلِ

Мы видим, что только в одном этом аяте по крайней мере в десяти местах были пропущены слова.

Теперь попытаемся представить себе союзы, которые были пропущены в выделенных местах следующих аятов:

*Ва кала-лазина ла йа'ламуна лау-ла йукаллимуна-Ллаху ау та'тина **айатун?** Казалика кала-лазина мин каблихим мисла каулихим **ташабахат кулубухум кад** баййанна-л-айати ли каумин йукинун [сура «Корова», 2: 118].*

Те, которые лишены знания, говорят: «Почему Аллах не говорит с нами? Почему знамение не приходит к нам?» Такие же слова произносили их предшественники. Их сердца похожи. Мы уже разъяснили знамения людям убежденным!

* * *

*Кул инни 'ала баййинатин мин рабби ва **каззабтум бихи. Ма** 'инди ма таста'джилуна **бихи ин ал-хукму илла ли-Ллахи йакуссу-л-хакка...** [сура «Скот», 6: 57].*

Скажи: «Я руководствуюсь ясным доказательством от моего Господа, а вы считаете это ложью. Я не владею тем, что вы торопите. Решение принимает только Аллах. Он изрекает истину...»

* * *

*...Ва саххара-ш-шамса ва-л-камара **куллун** йаджри ли аджалин мусамман **йудабирру-л-амра***

йуффассилу-л-айати ла'аллакум би лика'и раббикум тукиунун [сура «Гром», 13: 2].

...Он подчинил солнце и луну, и они движутся к назначенному сроку. Он управляет делами и разъясняет знамения, — быть может, вы будете убеждены во встрече со своим Господом.

Этот вид пропусков не является просто новым стилистическим приемом, который Коран ввел в арабский язык. Это также значительное идейное и риторическое дополнение, поскольку оно придает кораническому выражению неземные измерения и наделяет его образной утонченностью, которой бы не было в противном случае. Когда в аяте встречаются многочисленные типы пропусков, мы обнаруживаем, что аят приобретает красноречие и ясность, превосходящие его изначальное, базовое значение.

Новые отношения между словами

Все упомянутые выше явления касаются отношений между аятами или предложениями. А как обстоит дело с отдельными словами и их взаимоотношениями? Коран придал новые основу и тон взаимоотношениям между словами. Этот новый тип взаимоотношений не был знаком арабской культуре до появления Корана, не был он характерен и для других культур — по крайней мере до появления новых литературных школ, таких как символизм и сюрреализм, в современную эпоху.

Таким образом, Коран открыл новые содержательные и образные горизонты, которые добавились к первоначальному значению текста.

Например, четвертый аят суры ал-Фатиха, который звучит как *малики йауми-д-дин* («Властелину Дня воздаяния!»), содержит связь между словами, механика которой была незнакома арабам времен Пророка. Несомненно, первые слушатели Корана чувствовали разницу между этой словесной связкой и теми, к которым они привыкли, и были глубоко потрясены, когда слышали этот аят впервые. В конце концов, их «лингвистическая лаборатория» была еще инстинктивной и примитивной, ведь в ней недоставало продвинутых инструментов исследования и анализа, доступных нам сегодня. Расположение рядом слов *малик*, означающего 'властелин', 'господин', 'царь', и *йаум*, означающего 'день', было новым для арабов и неарабов во время ниспослания Корана. В те времена, как и сейчас, было привычно ассоциировать властвование (*мулк*) с конкретными объектами, коими можно обладать. Мы говорим: «владелец реального состояния», «владелец дирхемов», «владелец земли», «владелец машины», «владелец корабля» и т. д. Но как мы можем говорить о владении днем? Разве время является тем, чем можно владеть или обладать? Разве банки и другие финансовые учреждения будут готовы открывать счета, деноминированные в днях и часах? Использование фразы «властелин дня...» было, таким образом, лингвистическим нововведением, обладающим крайним своеобразием для арабов

седьмого столетия. Однако их ожидало еще одно новшество.

Не успели они преодолеть этот сложный перекресток, как увидели новый указатель, которого не ожидали и который маячил прямо у них перед глазами, — это взаимоотношение между словами *йаум* ('день') и *ад-дин* ('суд'). Арабы и неарабы привыкли к сочетанию слов, относящихся к единице времени, со словами, описывающими некое событие, которое должно было совершиться в определенный промежуток времени. Можно сказать «секунда молчания», «год скорби», «период войны», «канун пробуждения» и т. д. Прежде, до понимания первыми слушателями Корана нового значения, которое он доносил в этом аяте, слово *ад-дин* относилось не к событию, а, скорее, к абстрактному концепту (религии). Однако сочетание этого слова с периодом времени (*йаум*) не могло не вызвать еще одного мыслительного ступора сразу после того, который был вызван ассоциированием владения (*мулк*, *малик*) с днем (*йаум*). Так, пробираясь через эту и другие суры, арабы седьмого столетия сталкивались со множеством неожиданных поворотов. Следовательно, их ограниченные человеческие вкусы были озадачены этими короткими, но частыми «телеграммами», которые поступали к ним с Небес одна за другой, представляя им новый набор лингвистических связей между предложениями, фразами и словами. Слияние всех этих новых элементов произвело революцию в арабском и других языках; она не ограничивалась языковыми явлениями, но охва-

тивала сферу образности на уровне графических образов, метафорического использования слов и риторических стилей выражения.

Новый коранический репертуар образов

Доисламскими арабскими поэтами часто повторялись одни и те же образы. Если образ, использованный одним поэтом, привлекал внимание другого, он заимствовал его, переформулировал, вставлял его в новый поэтический шаблон, а мог использовать его и в первоначальном виде. Это доисламское влияние на траекторию арабской поэзии продолжалось затем много столетий, проложив себе путь в труды некоторых современных поэтов и писателей, а возможно, и в повседневную речь людей. Использувавшиеся образы были произведены от знакомых арабам элементов окружения. Так, храбрый человек сравнивался со львом, трус — со страусом, щедрый человек — с морем, скупец — с выжженной землей, обиженный человек — с верблюдом, обжора — со слоном, мрачный, степенный человек — с горой, красивый — с солнцем или луной, утонченный — со звездой, низкий — с колышком для крепления палатки, безрассудный или непостоянный человек — с бабочкой, мягкий, кроткий человек — с ягненком, упрямый и упертый человек — с навозным жуком, тщеславный человек — с павлином, хитрый, коварный человек — с лисой, черные волосы — с ночью, седые волосы — с днем, зубы возлюблен-

ной — с жемчужинами, ее рот — с колечком или ромашкой, ее губы — с сердоликом, ее щеки — с розами или яблоками, ее слезы были жемчужинами, ее кончики пальцев сравнивались с плодами зизифуса, ее глаза — с нарциссами, ее фигура сравнивалась с копьем, ее лоб — с утром, брови — со стрелами, локоны у висков — со скорпионами или скипетрами и т. д.

Что касается Священного Корана, он обошел практически все унаследованные образы, устранив их из своего выразительного инвентаря и заменив их собственным иллюстративным словарем с новыми образами. Хотя я не предпринимал исчерпывающего исследования образов, найденных в Коране, но могу утверждать с почти полной уверенностью, основываясь на айатах, которые я проверил во время данного исследования, что выразительный вулкан, извергшийся из Корана, не был ограничен созданием колоссального количества новых иллюстративных образов, которые он добавил к нашему репертуару метафорических образов. Скорее, подобно тому, как это произошло с традиционными лингвистическими паттернами, Коран отбросил и отверг все описательные образы, записанные в массивном доисламском поэтическом корпусе, — в исследованных айатах мне не удалось встретить ни одного.

Однако еще важнее то, что Коран произвел фундаментальную революцию в художественной структуре традиционной лингвистической образности посредством введения разнообразных высокоразвитых и кажущихся невероятными связей

между структурными элементами этих образов, что сильно опередило свое время. Образы, использовавшиеся ранее, были ограничены по своему качеству и изобретательности, ограничены количественно, состояли из элементов, связи между которыми не столь универсальны и свойственны фактически только языку поэзии. Коран же нарушил эти условности, направив воображение арабов на новую эру, открыв перед ними целый мир образов, чьи новые измерения, внутренняя динамика и богатство взаимосвязей еще не были известны арабской поэзии и прозе.

Традиционные правила, которые выводили и строго соблюдали риторики, разделяли метафорические образы на четыре категории: 1) *мушаббах*, т. е. сущность, связанная с чем-то иным, 2) *мушаббах бихи*, «нечто иное», с чем сравнивается *мушаббах*, 3) *адат ат-ташбих*, т. е. слово, которое указывает на существование сравнения или подобия (вроде «подобно», «как» и т. д.), 4) *ваджх шабах*, точка сходства между сущностью, которая сравнивается, и «чем-то иным», с чем она сравнивается. Затем этот образ классифицировался и категоризировался в зависимости от наличия одного из вышеупомянутых элементов. Но когда мы пытаемся поместить образы, находимые в Коране, в рамки этих традиционных правил и классификаций, мы обнаруживаем, что многие из них невозможно отнести ни к одной из установленных категорий. Следующие коранические образы, например, не могут быть проанализированы на основе традиционных правил риторики:

— *Ва лакум фи-л-кисаси хайа* — «Возмездие спасает вам жизнь, о обладатели разума!..» [сура «Корова», 2: 179].

— *Да'уфа-т-талибу ва-л-матлуб* — «Слаб тот, кто добивается, и тот, от кого он добивается!» [сура Хадж, 22: 73].

— *Ва аф'идатухум хава'ун* — «...а их сердца будут опустошены» [сура Ибрахим, 14: 43].

— *Ва йакзифун би-л-гайби мин маканин ба'ид* — «Они не верили в это прежде и делали предположения из далекого места» [сура Саба, 34: 53].

Многомерный образ

Когда Коран был ниспослан, арабы времен Пророка впервые столкнулись с многомерными образами. Когда арабские риторы начали формулировать правила арабской риторики и анализа метафорических образов и их составляющих, у них не было иного выбора, кроме как исключить коранические образы из своего анализа, потому что они не соответствовали их правилам или, скорее, потому что их ограниченные человеческие правила не могли охватить или постичь измерения, отражаемые образами в Коране.

Что касается тех, кто хотел отвлечь людей от ислама и от Корана, они рассматривали особенность коранических образов и их несоответствие традиционным критериям как слабость, на основании которой, как они полагали, они смогли бы

нападать на вероучение мусульман. Ибн ар-Раванди, скандальный вольнодумец, чьи новаторство, рационализм и опережавшие свое время мысли воспевают его нынешние последователи, однажды процитировал филологу и литератору Ибн ал-'Араби отрывок из Корана [16: 112], согласно которому *азакаха Аллаху либас ал-джу'и ва-л-хауфи*, что буквально переводится как «...и тогда Аллах облек их в одеяние голода и страха за то, что они творили» [16], говоря: «Разве можно попробовать на вкус одеяние?» Ибн ал-'Араби ответил: «Хорошо, тогда ты, обезьяна, предполагаешь, что Мухаммад не был Пророком. Но ты же не можешь отрицать, что он был арабом!» Как сообщается, Ибн ар-Раванди бросал вызов приведенному выше айату, заявляя, что было бы более подобающе сказать *фа касаха-Ллаху либаса-л-джу'и* («Бог одел их в одежду голода») или *фа азакаха-Ллаху та'ма-л-джу'и* («Бог сделал так, чтобы они вкусили горечь голода») [17].

Гипотетический образ

Тот тип образов, о котором я здесь говорю, требует, чтобы наше человеческое воображение дополнило его, потому что он располагает *мушаббах*, или сущностью, которая связывается с чем-то в непосредственном соседстве с *мушаббах бихи*, то есть с тем, с чем происходит сравнение, что наши человеческие чувства неспособны уловить. Или он может уподобить нечто известное чему-то неиз-

вестному или чему-то такому, чего слушатель/читатель ранее никогда не наблюдал.

В одном таком образе, природа которого привлекала интерес ранних риториков, Коран уподобляет плоды *заккума*, дерева, растущего в Аду (Асад переводит это выражение как «дерево со смертельными плодами», а Йусуф 'Али просто как «дерево *заккум*»), «головам шайтанов» [сура ас-Саффат, 37: 65]. Поскольку никто из нас никогда не видел ни «шайтана», ни его головы, действие этого образа в том, что он позволяет нашему воображению своевольно представить себе омерзительность этого дерева, которое обретает форму наиболее мерзких созданий на земле. Этот тип образности разрушает барьеры, создаваемые конечным, логичным, рациональным образом на пути человеческого воображения, и оказывается перед бесконечными горизонтами концептуализации и цветов. Попробуйте теперь насладиться вместе со мной, медленно и глубоко, следующими кораническими образами, воспринимая их посредством воображения, чувств и эмоций:

Ла тудрикуху-л-абсару, ва хува йудрику-л-абсар
[6: 103].

Взоры не могут постичь Его, а Он постигает взоры.

Йаума тубаддалу-л-арду гайра-л-арди ва-с-самавату [14: 48].

В тот день земля будет заменена другой, равно как и небеса...

Ва асбаха фу'аду умми муса фариган [28: 10].

Сердце матери Мусы (Моисея) опустело (переполнилось тревогой и оказалось лишено всех иных чувств).

Ва лау аннама фи-л-арди мин шаджаратин акламун ва-л-бахру йамуддуху мин ба'дихи саб'ату абхурин ма нафидат калимату-Ллах [31: 27].

Если бы все деревья земли стали письменными тростями, а за морем чернил находилось еще семь морей, то не исчерпались бы Слова Аллаха.

Ва-л-арду джами'ан кабдатуху йаума-л-кийамати ва-с-самавату матвийатун би йаминихи [39: 67].

Не ценили они Аллаха должным образом, а ведь вся земля в День воскресения будет всего лишь Пригоршней Его, а небеса будут свернуты Его Десницаей.

Фа иза иншаккат ас-сама'у фа канат вардатан ка-д-дихани [55: 37].

И вот небо разверзнется и станет красным, как кипящее масло (или покрасневшая кожа; или расплавленный свинец).

Ва лакад заййана-с-сама'а-д-дунйа би масабиха ва джа'алнаху руджуман ли-ш-шайатин [67: 5].

Воистину, Мы украсили ближайшее небо светильниками и установили их для метания в дьяволов.

Ва ин йакаду-лазина кафару ла йузликунака би абсарихим [68: 51].

Воистину, неверующие готовы заставить тебя поскользнуться своими взглядами...

Типы образов, находимых в суре «Завернувшийся» [74]

Если мы снова обратимся к суре «Завернувшийся», то увидим, что она содержит не менее 31 образа упомянутых выше типов. Следует помнить, что эти коранические образы были совершенно новыми для арабов времен Пророка, включая как те, которые были основаны на элементах, известных до ислама, так и более поздние (см. прил., табл. 4).

Также следует напомнить, что риторическая классификация, согласно которой мы распределили каждый из этих образов, не является единственно верной или окончательной. Ведь, как мы уже отмечали, многие образы, находимые в Коране, не поддаются категоризации, основанной на границах и критериях арабских риторов. К этим образам относятся и те, которые приведены в *Таблице 4*.

Илтифат: уникальное лингвистическое искусство Корана

Риторы часто обсуждали лингвистический феномен, который они классифицировали как семантический и который стал известен под назва-

нием *илтифат*, или внезапный переход. В литературном контексте *илтифат* означает неожиданный переход говорящего или пишущего от одного типа обращения к другому. К примеру, возможен переход от третьего лица (он, она, они) ко второму лицу (вы), или от второго лица (ты, вы) — к первому (я, мы), или от единственного числа к множественному. Некоторые риторы могут также включать переход от прошедшего времени к настоящему, к императиву, от имени существительного к глаголу и т. д. В следующем айте, например, мы имеем переход от единственного числа к множественному: *Бала, ман аслама уаджхаху ли-Ллахи ва хува мухсинун фалаху аджруху 'унда Раб-бихи ва ла хауфун 'алайхим ва ла хум йахзанун.* «О нет! **Кто** покорит свой лик Аллаху, совершая добро, **тот** получит награду от своего Господа. **Они** не познают страха и не будут опечалены» [сура «Корова», 2: 112]. Хотя аят начинается с использования третьего лица в единственном числе (кто), он заканчивается употреблением формы третьего лица множественного числа (они), хотя в обеих частях айата речь идет об одних и тех же людях.

Приводя примеры этого явления, риторы, к сожалению, не проводили аналитического сравнения между айатами Корана и строками доисламской поэзии. Так вышло, что для иллюстрации илтифата они цитировали больше айатов Корана, чем строк доисламской поэзии, что само по себе служит косвенным признанием верховенства Корана в этом контексте. Однако с академической

точки зрения такие строки поэзии недостойны того, чтобы их помещали рядом с айатами Корана для иллюстрации данного явления. В своей книге *Мифтах ал-'улум ас-Сакаки* цитирует следующие строки Алкамы ал-Фахла (ум. 603) [18] в главе, посвященной *илтифату*:

طحا بك قلب في الحسان طروب

Таха бика калбун фи-л-хисани тарубу

Твое игривое сердце утратило свои чувства к красивым женщинам

بعيد الشباب عصر حان مشيب

Бу'айда-ш-шабаби 'асра хана машибу

И хотя юность прошла, и наступила старость,

يكلفني ليلي وقد شط وليها

Йукаллифуни Лайла ва кад шатта валйуха

Оно (мое сердце) отягощает меня влечением к Лейле теперь, когда она ушла,

وعادت عواد بيننا وخطوب

Ва 'адат 'авадин байнана ва хутубу

И между нами встали заботы, препятствия и огорчения.

Мой вопрос заключается в следующем: можем ли мы найти в этих строках хотя бы один вид *илтифата* или хоть что-то, отдаленно похожее на него? Большинство риторов (если не все) настаивают на том, что можем. Однако в действительности эти строки не содержат ничего, кроме обычного разговора человека с самим собой. Как это свойственно поэтам, да и каждому из нас, Алкама говорит о себе как о ком-то другом, используя обращение «ты», и продолжает вести разговор с самим собой, будто бы он и его собеседник — это два разных человека, сидящих рядом. Затем он возвращается к использованию первого лица («я»). Сколько раз все мы говорили сами с собой таким образом? Я могу сказать: «Что с тобой стало, Бассам? Мне не нравится, как ты с собой поступаешь. Что ж, тогда я откажусь от своего решения. Да, тебе так будет лучше, Бассам». В ходе своего монолога я несколько раз переключался с обращения к себе во втором лице («ты») на употребление первого лица («я»). Но оправданно ли называть этот процесс термином *илтифат*? И разве можно было бы поставить его в один ряд с кораническим искусством, известным под этим названием?

Илтифат в Священном Коране является совершенно новым искусством, которое не было известно в доисламской арабской литературе и не встречается в ней в наше время. По сей день этот феномен остается недоступным для писателей, и я лично не знаю ничего подобного ему ни в одном языке. Это также нельзя назвать случайным приемом. Скорее, он представляет собой последова-

тельный риторический феномен, присущий только Корану. Когда я говорю об *илтифате* как о «феномене», я подчеркиваю этим словом частоту, с которой различные формы этого искусства проявляются в кораническом тексте. Также следует отметить поразительную особенность такой смены местоимений — благодаря ей внимание читателя постоянно вовлечено в поток энергии, заставляющей мозг мыслить, интеллектуально сосредотачиваться, дабы не упустить всех этих быстрых переходов между «я», «мы», «вы», «он», «они». Как мы вскоре увидим, местоимение, относящееся к Богу, не менее шести раз переключается между «Он» (*хува*), «Я» (*ана*) и «Мы» (*нахну*) в первых трех айатах суры «Перенес ночью» [17: 1–3]:

Субхана-ллази асра би 'абдихи лайлан мин ал-масджиди-л-харамии ила-л-масджиди-л-акса-ллази баракна хаулаху ли нурийаху мин айатина иннаху хува-с-сами'у-л-басир. Ва атайна Муса-л-китаба ва джа'алнаху худан ли бани исра'ила алла таттахизу мин дуни вакилан. Дуррийата ман хамална ма'а Нухин иннаху кана 'абдан шакуран.

Пречист Тот, Кто перенес ночью Своего раба, чтобы показать ему некоторые из Наших знамений, из Заповедной мечети в мечеть ал-Акса, окрестностям которой Мы даровали благословение. Воистину, Он — Слышащий, Видящий. Мы даровали Мусе (Моисею) Писание и сделали его верным руководством для сынов Исраила (Израиля): «Не берите в покровители никого, кроме Меня! О потомки тех, кого Мы перенесли вместе с Нухом (Ноем)! Воистину, он был благодарным рабом».

Илтифат в отношении времени

Есть много типов коранического *илтифата*, и один из них представляет собой наложение времен, когда прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино. Тут мы имеем дело с Божественными измерениями времени и места, не поддающимися нашим человеческим определениям. Коранические выражения и фразы часто перемещаются между этими тремя человеческими временными сферами, не обращая внимания на наши земные нормы и границы; они свободны от земных ограничений и игнорируют преграды, которые мы выстроили для них в наших ограниченных умах. Следующие аяты из Корана дадут нам ощущение того, каким путем эти временные рамки размываются и переплетаются:

Ва лау тара из вукифу 'ала-н-нар фа калу йа лай-тана нурадду ва ла нуказзиба би айати раббина

Если бы ты только увидел их, когда их остановят перед Огнем. Они скажут: «О, если бы нас вернули обратно! Мы не считали бы ложью знамения нашего Господа...» [сура «Скот», 6: 27].

Хотя в этом отрывке речь идет о будущем Судном дне, в нем использовано прошедшее время для описания этих событий.

Ва казалика нури ибрахима малакута-с-самавати ва-л-арди

Так Мы показали Ибрахиму (Аврааму) царство небес и земли, дабы он стал одним из убежденных [сура «Скот», 6: 75].

В этом отрывке речь идет о прошедшем деянии Господа, но с использованием настоящего времени.

Ва йасна'у-л-фулка ва куллама марра 'алайхи ма-ла'ун мин каумихи сахиру минху

Он сооружал ковчег, и каждый раз, когда мимо него проходили знатные люди из его народа, они глумились над ним... [сура Худ, 11: 38].

Действие Ноя в прошлом описано при помощи глагола, употребленного в настоящем времени, тогда как сопутствующие действия других описаны в прошедшем времени.

Илтифат в винительном падеже

Однако среди различных типов коранического *илтифата* один является наиболее примечательным и наиболее достоин нашего внимания. Я бы назвал его «грамматическим *илтифатом*». Этот тип *илтифата* наиболее отчетливо проявляется в ситуациях, в которых винительный падеж употребляется неожиданным образом или в неожиданном месте. Такие ситуации сбивали с толку бесчисленное количество грамматиков, всеми силами старавшихся придумать для них грамматическое оправдание. Подобные устремления грамматиков распространялись на все коранические

феномены, не желавшие подчиняться неподходящим для них человеческим правилам, и иногда приводили к потере смысла рассматриваемого ай-ата. Таким образом, пока грамматики тщатся — хотя вряд ли им это когда-либо удастся — вывести четкую грамматическую формулу для этого типа винительного падежа, я предлагаю, дабы не затеряться в грамматических лабиринтах, назвать это явление просто «коранический винительный падеж» или «илтифатный винительный падеж». Что касается скептически настроенных ориенталистов, которые заявляют, что такое неожиданное и неканоническое использование винительного падежа является всего лишь «ошибками», то их утверждения, как и заявления любых других скептиков, можно опровергнуть следующими соображениями:

1. Коран предшествует арабским грамматическим правилам. В действительности именно Коран мотивировал грамматиков, филологов и риторов разработать грамматические правила, которые мы имеем сегодня. Если бы не Коран, эти ученые не смогли бы сформулировать эти правила на столь раннем этапе в жизни арабского языка. Таким образом, это Коран стоит над правилами арабской грамматики, а не правила арабской грамматики над Кораном.
2. Если Пророк Мухаммад, которому наши скептически настроенные друзья-востоковеды приписывают авторство Корана, делал ошибки в Книге, тогда остается вопрос — почему

он не допускал ошибок в повседневной речи, которая записана в дошедших до нас хадисах? Неужели в своей повседневной речи он тщательнее исправлял ошибки, чем в Коране? Учтем при этом, что приписываемые ему высказывания в десятки раз превышают Коран по объему и что дошедшие до нас пророческие хадисы являются плодом спонтанной, повседневной речи, посредством которой он обращался к окружающим. Разве есть хоть какой-то смысл в заявлениях, что когда он говорил спонтанно, его язык был безупречным, а когда он уединялся и вдали от человеческих взглядов якобы придумывал текст, чтобы затем приписать его своему Богу, то его язык был исполнен ошибок?

3. Если бы в Коране действительно были ошибки, то разве сподвижники Пророка, которые хорошо разбирались в поэзии и тонкостях красноречия, не могли их исправить, чтобы Коран впоследствии дошел до нас без ошибок? Более того, разве такие ошибки не отвратили бы этих сподвижников от такой новой религии, божество которой неспособно овладеть простейшими правилами правописания и составления текстов?
4. Даже если мы допустим, что в Коране присутствуют ошибки, нужно учитывать, что многие примеры грамматического *илтифата* в Коране включают употребление слова в винительном падеже (например, в качест-

ве подлежащего именного предложения: *аш-шамса мушрика*) с *фатхой*, когда по правилу оно должно быть с *даммой*. Ошибки такого рода являются настолько очевидными, что даже начинающий изучать арабский язык никогда бы не допустил их.

Далее приводятся примеры такого использования винительного падежа:

— *Халидина фиха абадан ва'да-Ллахи хаккан* — «Они пребудут там вечно по истинному обещанию Аллаха» [сура «Женщины», 4: 122]. Слово «обещание» (*ва'д*) стоит скорее в винительном падеже, чем в именительном, хотя оно является подлежащим в предложении «по истинному обещанию Аллаха»⁹.

— *Фа иннаху риджсун ау фискан* ухилла ли гайри-Ллахи бихи — «а также недозволенное мясо животных, заколотых не ради Аллаха» [сура «Скот», 6: 145]. Слово *фиск*, переводимое здесь как 'недозволенное', употреблено в винительном падеже, даже при том, что слово *риджс* (нечто отвратительное) стоит в именительном падеже, а оба слова являются частями одной и той же фразы.

— *Ва-лакад джа'ат русулуна ибрахима би-лбушра калу саламан кала саламун* — «Наши посланцы принесли Ибрахиму радостную весть и сказали: „Мир!“ Он сказал: „И вам мир!“» [сура Худ, 11: 69]. Первое употребление слова *салам* ('мир') — в винительном падеже, тогда как второе — в име-

⁹ Дословно: «Обещание Бога истинно» (примеч. ред.).

нительном, при том что с точки зрения грамматики конструкции полностью идентичны.

— *Залика 'Иса ибну марйама каула-л-хакк* — «Таков Иса, сын Марйам! Слово Истины...» [сура Марйам, 19: 34]. Следовало бы ожидать, что слово *каул*, как обычно, должно было бы стоять в именительном падеже, но вместо этого оно стоит в винительном.

— *Инна хазихи умматукум умматан вахида-тан* — «Воистину, эта ваша религия — религия единая» [сура «Пророки», 21: 92]. Хотя сказуемое именного предложения — фраза «религия единая» (*умма вахида*) — в норме должно было бы стоять в именительном падеже, оно стоит в винительном.

— *Ва ма джа'ала 'алайкум фи-д-дини мин хараджин миллата абикум Ибрахим* — «И не сделал для вас никакого затруднения в религии. Такова вера отца вашего Ибрахима...» [сура Хадж, 22: 78]. Слово *милла* ('кредо', 'вера', 'культ'), как можно ожидать, должно было бы стоять в именительном падеже, но здесь оно стоит в винительном. Обратите внимание на то, как Асад толкует эту фразу¹⁰, чтобы в толковании могло отобразиться «объяснение» использования в этом месте винительного падежа.

¹⁰ Англоязычный перевод Асада, на который часто ссылается автор, трактует этот аят так: «[и дал вам исповедовать] веру вашего праотца Ибрахима». Таким образом, в переводе сохраняется использование винительного падежа (*примеч. ред.*).

— Саламун каулан мин роббин рахим: «Милосердный Господь приветствует их словом „Мир!“» [сура Йа син, 36: 58]. Можно было бы ожидать, что слово каул будет использовано в именительном падеже, а не в винительном. То же самое касается и подчеркнутых слов в приведенных ниже цитатах.

— Калла иннаха лаза назза'атан ли-ш-шава — «Но нет! Это — Адское пламя, сдирающее кожу с головы» [сура «Ступени», 70: 15–16].

— Ва мизаджуху мин тасним 'айнан йашрабу биха-л-мукаррабун — «Оно смешано с напитком из Таснима — источника, из которого пьют приближенные» [сура «Обвешивающие», 83: 27–28].

— Са-йасла наран зата лахабин ва-мра'атуху хаммалата-л-хатаб — «Он попадет в пламенный Огонь. Жена его будет носить дрова» [сура «Пальмовые волокна», 111: 3–4].

Наконец, наличие не менее пятнадцати примеров илтифата различных типов в короткой ранней суре, такой как сура «Завернувшийся», ясно доказывает широту и значимость илтифата среди различных новых явлений, находимых в Коране. Это также указывает на тот лингвистический и риторический шок, который пережили древние арабы, впервые услышавшие слова Откровения.

Открытый язык

Коран удивил арабов времен Пророка новым типом языка, который обладал многими аспектами, идеально гармонизовавшими друг с другом.

Этот гибкий Божественный язык был способен оставаться живым на протяжении столетий в таком виде, что люди могли открывать в нем смыслы, которых не могли открыть их предки, не обладавшие достаточными знаниями и скованные ограничениями своей эпохи. Как результат, люди каждого поколения и, возможно, каждой культуры и каждой страны понимают этот язык, придерживаясь собственного стиля мышления, на основе собственных открытий и доступного им знания. Должен признать, что мне понадобилось много времени, чтобы оценить мудрость ‘Умара ибн ал-Хаттаба¹¹, который отказался позволить людям толковать Коран или расспрашивать о его значениях. Умар был настолько упорен в этом, что приказывал даже бить людей, стегать их кнутом и сажать в тюрьму за нарушение этого запрета. Абу-л-‘Аббас передавал следующее: «Мы были в присутствии ‘Умара ибн ал-Хаттаба (да смилуется над ним Аллах), когда к нему приблизился человек и сказал: «О Повелитель верующих, к чему относится фраза *ал-джавари ал-куннас?*» [сура «Скручивание», 81: 16]. В ответ ‘Умар пронзил тюрбан этого человека, так что тот слетел с его головы. Затем он сказал: «Ты что, хариджит? Клянусь Тем, Кто держит в Своих руках жизнь ‘Умара ибн ал-Хаттаба, если бы у тебя сейчас ничего не было на голове, я бы ее отрубил!» [19].

¹¹ ‘Умар ибн ал-Хаттаб — второй Праведный халиф, правивший с 634 по 644 г. н. э. (*примеч. ред.*).

С учетом нашей ограниченной перспективы интерпретация Корана, пришедшая из того периода истории, когда жили Пророк и его сподвижники, была бы бесценной сокровищницей, содержащей золотые ключи к миру лингвистических чудес, сокрытых в Коране. Однако с точки зрения такого проникательного человека, как 'Умар, это оказало бы плохую услугу людям более поздних времен, ограничив их собственные возможности для приложения усилий по истолкованию Корана и открытию коранических чудес и тайн. В конце концов, как сказал сам Пророк Мухаммад, Коран — это книга, чьи чудеса никогда не заканчиваются (*ла танкади 'аджа'ибуху*). Кто бы тогда отважился, даже во втором столетии хиджры, предложить новое толкование того или иного айата, отличавшееся от установленного в первом столетии хиджры, в эпоху таких ярких сподвижников, как сам 'Умар? И насколько бы сильнее колебался такой человек, если бы знал, что 'Умар слышал о таком толковании, но ничего не сказал о нем?

Огромное число недавних открытий, касающихся чудесных прозрений Корана в сфере научных знаний, относятся к фактам, которые ранее не были известны людям и потому на протяжении столетий ждали нас в тени открытого или многомерного коранического языка. Однако такие открытия — это лишь одна из множества языковых особенностей Книги Бога. Они также являются плодами труда благородных сподвижников, которые сохранили Коран для потомков, не позволяя записывать его толкования. «Открытые» или много-

мерные слова или выражения находятся во многих айатах, относящихся к категории *муташабих* (т. е. аллегорических, см. суру «Семейство Имрана» [3: 7]). Однако они не обнаруживаются в айатах, касающихся базовых аспектов учения Корана о единобожии и относящихся к категории *мухамм* (базовые, или фундаментальные, имеющие установленное значение, ясные и однозначные по своему смыслу). Комментаторы могут по-разному толковать, например, значения многозначного термина *ас-самад*, который переводится как 'Вечный', 'Беспричинная Причина всего сущего' (Асад) и 'Абсолют' ('Абдаллах Йусуф 'Али) — в суре «Искренность» [112], поскольку его потенциальные значения, какими бы разнообразными они ни были, не отходят от сущности монотеизма. Напротив, однако, нет места для различий во мнениях или толкованиях в отношении выражений, которые предшествуют термину *ас-самад*, и тех, которые следуют после него, таких как *ахад* («Единый Бог», «Единственный»), *лам йалид* («не рожал») и *лам йулад* («и не был рожден»), поскольку это касается самой сути единобожия и здесь нет места для дебатов или различных интерпретаций, независимо от времени, места и культуры.

Фраза *Аллаху Акбар* представляет собой готовый пример того, что мы имеем в виду под «открытым языком». Это выражение в основном переводится на английский язык ¹² как «Бог Велик»

¹² А также на большинство других языков, включая русский (*примеч. ред.*).

или «Бог Величайший». Однако ни одно из этих выражений не является точным переводом фразы *Аллаху Акбар*, поскольку слово *акбар* переводится на английский как 'больше'. Следовательно, дословный перевод *Аллаху Акбар* — «Бог больше». Хотя это противоречит лингвистическим традициям и требует, чтобы после сравнительной степени прилагательного шла частица *мин* — 'чем', ислам оставил это выражение открытым, чтобы позволить человеку самому завершить этот образ в зависимости от того, какое завершение лучше будет соответствовать его обстоятельствам. «Бог больше...», чем все: чем любая печаль, чем любая радость, чем любая горесть, чем любая страсть, чем любой угнетатель и т. д. Если бы вместо этого использовалось выражение *Аллаху ал-акбар* («Бог — самый великий») или *Аллаху ал-кабир* («Бог велик»), то оно было бы самодостаточным и не имело бы открытого конца, не оставляя, таким образом, более никакого пространства для маневра нашего воображения или работы мыслей. Привыкнув к этой фразе, мы утратили способность улавливать наиболее прекрасные аспекты ее новизны, ее уникальность и открытость. Мы привыкли повторять ее и думать, что она значит только «Бог велик», и именно это привело к ошибочным, неадекватным переводам этого выражения на другие языки.

Наилучшим мерилom богатства и многомерности слова или выражения является количество грамматических контекстов, в которые его можно поместить. Чем большим количеством способов

можно изменить (*и'раб*) слово или выражение, тем более ярким оно является, тем больше значений оно доносит, тем более оно насыщенное, богатое и выразительное. Коран превзошел и прозу, и поэзию своего времени, поразив арабов седьмого столетия языком, который смог соответствовать изменяющимся временам, новым событиям и открытиям, особенностям личности и эволюции человеческой мысли, культуры и знания. В результате люди берут из Корана то, что их конкретные обстоятельства и понимание позволяют взять и что подходит их конкретной эпохе, месту, окружению, ментальности и потребностям. Однако содержание самого Корана, как бы ни отличались и ни варьировались условия, которым соответствует Книга, при этом всегда остается самодостаточным. Таким образом, обилие многозначных слов и выражений в Коране дало арабам возможность безмерно обогатить свою литературу и поэзию.

Легко можно обнаружить этот открытый язык в текстах ранее ниспосылавшихся Писаний, таких как Ветхий Завет (*ат-таурат*) и Новый Завет (*ал-инджил*). Однако мы не можем достичь целостного, объективного суждения относительно таких текстов, потому что большая часть того, что доступно нам сегодня, передано обычными людьми или, в лучшем случае, пророками. Только изредка мы наталкиваемся на тексты, в которых Бог обращается напрямую (например, отдельные стихи, вкрапленные тут и там в текст Ветхого Завета). Следовательно, в большинстве случаев эти тексты не являются прямым словом Бога, непосредствен-

ной речью Небес. В лучшем случае они являются интерпретацией Божественного слова. Кроме того, мы не располагаем этими текстами на тех языках, на которых они изначально ниспосылались. Поэтому, каким бы точным ни был перевод, он останется не более чем личной интерпретацией, выражающей ограниченную точку зрения переводчика. Добавьте к этому тот факт, что переводы часто приводят к путанице, особенно если переводчик настолько честен и объективен, что отказывается сознательно подменять темные места оригинального текста точными и ясными формулировками. В результате ему приходится прибегнуть к использованию сбивающего с толку стиля, который делает перевод двусмысленным или неясным. Язык такого перевода может восприниматься нами как открытый, хотя в действительности он всего лишь неясный. И наконец, ситуацию осложняют грамматические, лексические и культурные различия между языками — с ними сталкиваются переводчики, когда пытаются передать значения, выраженные одним языком, средствами другого языка, обладающего своими собственными различными правилами, культурными коннотациями и условностями.

К примеру, мы можем усомниться в том, являются ли примерами открытого языка некоторые туманные выражения из Ветхого Завета, такие как «Ты устроил хвалу ради врагов Твоих» [Псалом, 8: 2], арабский перевод которого звучит как *ассаста хамдан би сабаби аддадика* (أَسَّسْتَ حَمْدًا بِسَبَبِ أَضْدَادِكَ)

(20), особенно с учетом того, что английский перевод этой фразы менее двусмыслен, чем арабский. Мой собственный перевод этой фразы, который, как и все остальные переводы, имеет свои недостатки, звучит так: *лакад аксабака а'да'ука кувватан* («Твои враги увеличили Твою силу»). Другой арабский перевод звучит как *та'аззазта фи ваджхи хусумика* — *تعززت في وجه خصومك* («Ты усиливаешься перед лицом Твоих врагов») [21], что является не таким двусмысленным, как процитированный выше арабский перевод, но не таким ясным, как английский перевод. У нас нет такой проблемы с Кораном, в котором Бог говорит от первого лица и который сохранился на том же языке, на котором был ниспослан. В результате нет необходимости прибегать к каким-то языкам-посредникам, чтобы постичь его смыслы, как это происходит в случае с другими ниспосланными Писаниями.

Примеры «открытого языка» в суре Ал-Мудассир («Завернувшийся»)

До сих пор мы полагались на суру «Завернувшийся» [74] в нашем аналитическом изучении различных новых лингвистических явлений, обнаруживаемых в Коране. Эта сура предоставляет нам многочисленные примеры инновационного языка, который вызывал противоречия среди тол-

кователей, филологов и грамматиков, умноживших толкования и способы грамматического анализа. Более того, если мы примем во внимание многочисленные различные прочтения Корана, признававшиеся приемлемыми на протяжении минувших столетий, мы увидим не менее 29 примеров того, что я назвал термином «открытые» слова или выражения. Таблица 5 (см. прил.) представляет в виде списка некоторые из них, предлагая только по одному значению для каждого.

Если мы остановимся и задумаемся над каждым из этих слов и выражений, то сможем различить для себя многочисленные измерения и нюансы, которыми обладает каждая из фраз. Возьмем, например, первую фразу — *кум фа анзир*, которую Асад перевел как ‘встань и увещевай’. Повеление *кум* может иметь ряд разных значений. Оно может означать ‘встань’, ‘поднимись’, ‘двигайся’, ‘принимайся за работу’ или ‘подготовься’. Что касается повеления *анзир*, оно может означать ‘донеси послание’, ‘предупреди о надвигающемся часе суда’, ‘предупреди о наказании в этой земной жизни’ или ‘предупреди о проведении вечности в адском огне’. Подобным образом последняя фраза, *хува ахлу-т-таква*, переведенная Асадом как «Тот, Кто достоин страха» («Тот, Кто достоин того, чтобы Его боялись»), исполнена различными потенциальными значениями. Имя существительное *ахлу* может относиться к тому, кто обладает чем-либо, предоставляет его, кто достоин его, или к источнику, из которого нечто проистекает. Что касается имени существительного *ат-таква*, то

его семантический ряд включает настороженность или склонность бояться и избегать чего-то, например, уклоняться от Божьего наказания в Судный день благодаря нашей вере в Него. Это может относиться также к профилактике или защите, как в случае Божьей защиты людей от такого наказания, если они верят в Него, или Его защиты от зла в нашей земной жизни.

Богатство открытого языка, находимого в суре «Завернувшийся», дает нам представление о том, насколько этот тип языка преобладает в Коране на уровне как отдельных слов, так и выражений. Он проявляется также и в других сурах Корана. В то же время следует подчеркнуть, что открытость этого языка не означает, будто в Коране существует опасная брешь, воспользовавшись которой, злоумышленники смогли бы исказить его послание. Такие люди пытались и пытаются сделать это уже не одно столетие, и их усилия продолжают по сей день. Скорее, эта отличительная черта обогащает смыслы, доносимые Кораном, в течение столетий наделяя их большей жизнеспособностью и оригинальностью по мере развития человеческого знания и в меру того, как развиваются и изменяются человеческие культуры и окружающий мир.

Различные прочтения Корана и открытый язык

Существование признанных вариантов чтения Корана [22] является одним из наиболее примеча-

тельных примеров открытого языка. Это в действительности черта, которая не ассоциируется больше ни с одной другой книгой в истории человечества. Ориенталисты и другие их коллеги вызвали немало споров относительно этого чудесного аспекта языка Корана; они пишут об этом объемистые монографии и предлагают щедрые гранты тем, кто это исследует, в надежде найти подтверждение своему скептицизму и подорвать авторитет Корана и доверие к нему. Однако они ни разу всерьез не задумывались о своем собственном научном подходе, из которого так много вынесли мы, жители Востока. Сделав это, они будут вынуждены признать, что семь вариантов прочтения Корана просто являются еще одним чудесным аспектом языка этой удивительной книги.

Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы в одной книге умещалось несколько книг? или о существовании текста, который можно читать более чем одним способом и который доносил бы больше одного значения и чтобы при этом в нем не было никаких противоречий или несоответствий между этими значениями? Их наличие не вызывает споров среди мусульман. Скорее, речь идет о различных способах чтения Корана, которые были ниспосланы свыше, дабы обогатить язык Корана и его послание, облегчить его чтение и продемонстрировать открытость его языка таким образом, чтобы он воспринимался гармонично вне зависимости от времени и места. Семь способов чтения Корана, таким образом, представляют собой дополнительную уникальную черту, присущую только

этой книге. Если среди филологов или читателей есть какие-то разногласия относительно этих способов чтения, то это лишь вопрос предпочтения, поскольку все семь способов были ниспосланы свыше:

‘Умар ибн ал-Хаттаб говорил: «Я услышал, как Хишам ибн Хаким ибн Хаззам читает суру „Различение“ не так, как ее читаю я, а Посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — зачитывал ее мне ранее. Я уже был готов поторопить его, но затем дал ему время закончить, а затем я схватил его за грудки его плаща и привел его к Посланнику Аллаха, — да благословит его Аллах и да приветствует! — и сказал: „Посланник Аллаха, я услышал, как он читает суру „Различение“ не так, как ты прочел ее мне“. Посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — сказал: „Отпусти его. Читай!“ И тот вновь читал именно так, как тогда. Посланник Аллаха сказал: „Она так и была ниспослана“. Затем он сказал мне: „Читай!“ Я прочел, и он сказал: „Она так и была ниспослана. Воистину, Коран был ниспослан в семи буквах. Читайте [из него] то, что для вас легко“» [23].

Здесь важно отметить, что разные варианты чтения Корана — а их семь, по количеству декламаторов, к которым возводят цепочки передатчиков и на которых основываются эти способы чтения, — нельзя путать с «семью буквами» (*ал-хуруф ас-саб’а*), упомянутыми в только что процитированном пророческом хадисе. Последние относятся к местным диалектам и различиям в произноше-

нии, связанным с уровнем грамотности, а также с возрастом. Этот момент проясняется в следующем хадисе:

Посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — однажды повстречал Джибрила [24] и сказал ему: «О Джибрил, я был послан к неграмотным людям, некоторые из которых дряхлые и старые, другие — еще совсем юнцы, есть среди них и служанки, и такие мужчины, которые не прочитали в своей жизни ни одной книги». Джибрил ответил: «О Мухаммад, Коран был ниспослан в семи вариантах произношения (или „на семи диалектах“: букв.: „в семи буквах“ — *‘ала саб’ати ахруф*). Так пусть же они читают его любым из этих семи способов» [25].

Открытый язык и научные открытия

Огромное число недавних открытий, касающихся чудесных прозрений Корана в сфере научных знаний, относятся к фактам, которые ранее не были известны людям и потому на протяжении столетий ждали нас в тени открытого или многомерного коранического языка. Однако такие открытия являются лишь одной из множества языковых особенностей Книги Бога. Они также являются плодами труда благородных сподвижников, которые сохранили Коран для потомков, не позволяя записывать его толкования.

Те, кто последовал за ними (толкователи, а затем и переводчики), пытались расшифровать или

объяснить то, что явно было выше их понимания. Это приводило к неумышленным искажениям смысла и мешало пониманию Корана. Одна из дискуссий, среди многих других, касалась следующего примера:

وَتَرَى الْجِبَالَ تَحْسِبُهَا جَامِدَةً وَهِيَ تَمُرُّ مَرَّ السَّحَابِ صُنْعَ اللَّهِ
الَّذِي أَتَقَنَ كُلَّ شَيْءٍ إِنَّهُ خَبِيرٌ بِمَا تَفْعَلُونَ

Ва тара ал-джибала тахсабуха джамидатан ва хийа тамурру марра-с-сахаб, сун'а-Ллахи-млази ат-кана кулла шай'ин. Иннаху хабирун би-ма таф'алун.

И ты увидишь, что горы, которые ты считал неподвижными, придут в движение, словно облака. Таково творение Аллаха, Который выполнил все в совершенстве. Воистину, Он ведает о том, что вы делаете [27: 88].

Когда я впервые задумался над этим аятом, я был поражен, насколько четко он утверждает, что горы «вращаются» вместе с вращением Земли, подобно тому как облака передвигаются по небу. Размышляя над этим, я подумал вернуться к ранним комментариям этого аята, чтобы посмотреть, как их авторы понимали его в свете ограниченных знаний той эпохи о Земле и ее связи со Вселенной. В то время никто еще не знал, что Земля вращается или даже что она имеет форму шара. Кроме того, только относительно недавно геологи узнали, что Земля состоит из слоев, два из

которых составляют кору (тонкую, по сравнению с другими, нижними слоями) и мантию (плотный слой, лежащий под корой). Согласно теории тектонических плит, земная кора движется по мантии со скоростью нескольких сантиметров в год, обуславливая тем самым дрейф континентов (смотрите труды по теории Альфреда Вегенера о движении континентов, которая была предложена только в 1912 г. и подвергалась жесткой критике ученых до тех пор, пока в 1950-е, уже после смерти ученого, не нашла свое окончательное подтверждение).

Далее приводятся краткие результаты попыток истолковать аят 27: 88 некоторыми наиболее ранними толкователями Корана:

— **Ал-Хазин:** «Горы двигаются подобно облакам, пока не падают на Землю и не сплющиваются... Таким же образом движение гор в День Воскресения нельзя будет воспринять из-за их огромного размера точно так же, как нельзя воспринять движение облаков по этой же причине».

— **Ат-Табари** (вместе с ан-Насафи, Ибн ал-Джаузи, аз-Замахшари и ал-Куртуби): «Сообщается, что Ибн 'Аббас говорил, что слово *джамид* в этом аяте означает 'твердый' или 'возвышающийся'. Что касается фразы *ва хийа тамурру марра-ссахаб*, то она означает, что горы также будут собраны вместе [в день Суда], затем они станут двигаться так, что тот, кто увидит их, подумает, взирая на их большое количество, что они все еще стоят недвижимо, хотя они будут пребывать в движении».

— **Ар-Рази** (в согласии с ал-Байдави): «Причина, по которой горы будут восприниматься в день Суда как *джамида* (это слово переведено Асадом как 'столь твердые'), заключается в том, что когда огромные тела движутся в унисон и быстро, те, кто смотрит на них, будут думать, что они недвижимы, хотя они проходят мимо них с большой скоростью».

— **Абу Хаййан**: «Было сказано, что причина, по которой человек, смотрящий на горы, будет думать, что они „прочные“ (*джамида*), хотя они пребывают в движении, заключается в том, что хотя они и движутся, но восприятие такого человека будет искажено страхом Судного дня. Другими словами, он будет не в том состоянии ума, чтобы с точностью определить, что они на самом деле не стоят на месте».

— **Ибн Касир**: «То есть вы увидите их такими, будто они стоят на месте и не изменяются, тогда как в действительности они будут проплывать мимо, словно облака, то есть будут сдвинуты со своих мест».

— **Ал-Фарра'** (вместе с ал-Ахфашем ал-Аусатом): эти комментаторы не дали объяснения этого айата.

Наибольшее беспокойство вызывает то, что даже некоторые современные толкователи Корана требуют остановиться на той точке, которая была достигнута столетия тому назад ранними учеными, удовлетвориться толкованиями, сделанными в соответствии с крайне ограниченными знаниями того времени. Например, если мы возъ-

мом подборку из десяти современных английских толкований Корана (восемь из которых написаны мусульманами, а два — немусульманами-востоковедами), мы найдем, что все восемь толкований, написанных мусульманами (точнее, их переводы арабских толкований), упорно цепляются за интерпретации, принятые ранними толкователями.

В результате фраза *ва хийа тамурру марра-ссахаб* (перемещаются, словно облака) не была оставлена без изменений. Толкователи считали необходимым перенести ее в будущее, что сделало ее подлинное значение совершенно недоступным для английского читателя. Тем не менее каждый из переводчиков настаивает на том, что следует понимать этот аят как «будут двигаться», а не «двигаются» или «проходят мимо».

Рассматривая этот пример дальше, даже современные переводчики Корана впали в особое и удивительное противоречие, переводя глагол во фразе *тахсабуха* ('ты их считаешь', 'думаешь, что они есть') формой будущего времени вместо настоящего. Глагольная фраза *тахсабуха* относится к настоящему действию, а не к будущему, поэтому бессмысленно переводить ее будущим временем. Тем не менее большинство современных переводчиков согласны переводить этот глагол именно будущим временем. Некоторые переводчики в попытке избежать противоречия искажают значение аята еще сильнее (см. переводы Хиляли и Хана), переводя как эту фразу (*тахсабуха*), так и следующую за ней (*ва хийа тамурру марра-ссахаб*) будущим временем: «И ты увидишь горы и

будешь думать, что они прочны, но они будут перемещаться мимо, как проплывающие облака» (подчеркивание добавлено).

К счастью, британский востоковед Ричард Белл, немусульманин, был свободен от влияния ранних толкователей, когда осуществил свой перевод Корана (закончен в 1937–1939 гг.). Он смотрел на текст если не глазами современного человека, то по крайней мере глазами человека, знающего правила арабской грамматики. Поэтому, взирая только на эти правила, он перевел этот аят, используя настоящее время, а не будущее и, таким образом, сделал точный и правильный перевод: *«И человек видит горы явно прочными, хотя они перемещаются, словно облака»*.

За Ричардом Беллом последовал переводчик-мусульманин Мухаммад Мармадюк Пиктхолл, чей перевод Корана на английский язык был впервые опубликован в 1930 г. (хотя для этого примера было избрано переработанное издание, вышедшее в 2002 г.). Пиктхолл переводит аят таким образом: *«И ты видишь горы и полагаешь, что они прочны, тогда как они парят, словно облака»*.

Таким образом, приведенный выше пример представляет нам ясную картину того, какой примечательный и чудесный аспект Корана продолжал оставаться невыявленным, когда некоторые его переводчики на английский язык решили подражать жившим столетия тому назад толкователям, несмотря на то, что они основывали свое понимание на тех ограниченных знаниях, которые были им доступны.

В завершение я должен признать, что, заканчивая свое первое путешествие в изучении чудесного новаторства в языке Корана, я понимал, что это была не более чем «авантюра» первооткрывателя, которая, как все человеческие предприятия, остается слабой и неадекватной, какой бы научной, академической или объективной ни пытались её представить. Ни одна человеческая попытка познать Божественный язык Корана никогда не будет достойна того, чтобы ее описали как нечто большее, чем «авантюру». И сколь более слабой и неадекватной будет такая попытка, если она направлена на познание Совершенного и Божественного, лишённого недостатков и слабостей и не омраченного даже тенью ошибки или лжи!

Божественный вызов арабам времен Пророка — «сочините одну подобную суру...» (Асад) или «принесите суру, подобную этому» ('Абдаллах Йусуф 'Али) [сура «Корова», 2: 23] — все еще остается в силе, словно Коран был ниспослан только вчера. И какие бы гении ни украшали собой мир на протяжении долгих эпох, никому и ничему не удалось поколебать авторитет Корана и преуспеть в том деле, о котором говорится в этом аяте.

Примечания

1. Фахр ад-дин ар-Рази. *Ат-тафсир ал-кабир* (Бейрут: Дар ихйа' ат-турас ал-'араби, 2001). Ч. 9. С. 446.

2. Джалал ад-дин ас-Суйути. *Ал-иткан фи 'улум ал-Кур'ан* (Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 2003). Ч. 2. С. 108.

3. *Surah al-Nahl 16: 60*, A. J. Arberry, *The Koran Interpreted* (New York: Macmillan, 1955).

4. Передано ал-Хакимом в книге *Ал-мустадрак 'ала-с-сахихайн*. Другие сообщения о позиции многобожников касательно Корана упоминаются в книге Самиры аз-Зайид *Мухтасар ал-джами' фи-с-сура ан-набавиййа* (Дамаск: ал-Матба'а ал-'илмиййа, 1995).

5. При документировании доисламской поэзии я опирался на энциклопедию поэзии (на CD), составленную культурной академией Объединенных Арабских Эмиратов. Эта энциклопедия выпущена в нескольких изданиях. Первое издание было выпущено в 1998 г., второе — в 2000 г., третье — в 2003 г. Также стоит отметить, что без этой энциклопедии, а также другой, тоже доступной на диске, я не смог бы завершить свое исследование на данную тему.

6. Этот пример встречается в утверждении *ва лам йакун лаху куфуван ахад*, которое переводится как «и нет никого, равного Ему» [сура ал-Ихлас, 112: 4]. Отрицательный глагол *лам йакун*, который переводится как «нет никого», на самом деле означает: «не было никого, нет никого и никогда не будет никого». Поэтому его значение не ограничивается только прошлым, что мы видим в использовании этого слова людьми.

7. Передано Са'дом ибн Аби Ваккасом, *Сийар а'лам ан-нубала*, аз-Захаби.

8. Авторами этих выражений являются: 1) Ибн ал-Мукаффа. *Калила ва димна*. С. 68; 2) Ибн Хазм. *Таук ал-хамама*. С. 216; 3) Таха Хусайн. *Фи-л-адаб ал-джахили*. С. 315; 4) ал-Ма'арри. *Раса'ил Аби-л-'Ала' ал-Ма'арри*. Т. 3. С. 587; и 5) Ар-Рафи'и. *Вахи-л-калам*. Т. 1. С. 16.

9. Искусство чтения Корана наизусть в соответствии с установленными правилами произношения и интонаций.

10. Jeffrey Lang, *Even Angels Ask: A Journey to Islam in America* (Beltsville, MA: Amana Publications, 1997). С. 139. Цитата Арберри приводится из книги: Arthur J. Arberry. *The Koran Interpreted* (Oxford: Oxford University Press, 1964), введение. Цитата Денни взята из книги: Fredrick Denny. *Islam* (New York: Harper & Row Publishers, 1987). С. 88.

11. Абу Закариййа Йахйа б. Шараф ан-Навави. *Рийад ас-салихин* / ред. 'Абд ал-'Азиз Раба и Ахмад Йусуф ад-Даккак (Дамаск: Дар ал-ма'мун ли-т-турас, 1980). С. 4.

12. Передано Ахмадом (Ахмад ибн Ханбал, *муснад*).

13. Говоря об этом айте, я отступил от переводов (толкований) Мухаммада Асада и 'Абдаллаха Йусуфа 'Али.

14. Christoph Luxenberg, *The Syro-Aramaic Reading of the Koran: A Contribution to the Decoding of the Language of the Koran* (Berlin: Verlag Hans Schiller, 2007).

15. Примером *харф масдари* будет частичка *ан*, после которой может следовать форма сослагательного наклонения (*насб*) в настоящем времени или глагол в прошедшем времени. Мы можем сказать «после того, как он ушел» (*ба'да ан захаба*) или «после того, как он уйдет» (*ба'да ан йазхаба*). Любые комбинации частицы *ан* с последующим глаголом могут быть заменены глагольным существительным (*масдар*). Таким образом, вместо *ба'да ан захаба* — 'после того, как он ушел' мы можем сказать *ба'да захабиhi* (букв.: 'после его ухода'), и вместо *ба'да ан йазхаба* — *ба'да захабиhi* (букв.: 'после его ухода').

16. Асад переводит это выражение следующим образом: «Бог заставил испытать всеохватывающее горе голода и страха», указывая в примечаниях то, как несчастье покрывает человека как одежда (Тадж ал-'Арус). См.: Мухаммад Асад. *Послание Корана* (Гибралтар: Дар ал-Андалус, 1984). С. 414.

17. Аш-Шаукани. *Тафсир фатх ал-Кадир* (Каир: Дар ал-фикр, без даты). Т. 3. С. 200.

18. Ас-Саккаки. *Мифтах ал-'Улум* (Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийя, 2000). С. 298.

19. Передано ал-Хакимом. Больше сообщений об Умаре см. в книге: Джалал ад-дин ас-Суйути. *Джами алахадис ли-л-масанид ва-л-марасил* (составлена Ахмадом 'Абд ал-Джаввадом и 'Аббасом Ахмадом Сакром. Дамаск: Матбаат Мухаммад Хашим ал-Кутуби, 1981), раздел о *масанид* (ед. ч. *муснад* — предание, которое восходит к первоисточнику по непрерывной цепочке передатчиков). Т. 1. С. 143–145.

20. Арабский перевод заимствован из издания, выпущенного Дар ал-китаб ал-мукаддас фи-л-'алам ал-'араби, 1981.

21. Дар ал-китаб ал-мукаддас фи-л-'алам ал-'араби, издание 2004 г.

22. См.: Ахмад 'Али ал-Имам. *Различные чтения Корана: критическое исследование исторических и лингвистических истоков* (Мальта: ИПТ, 2011).

23. Передано ал-Бухари и Муслимом с некоторыми отличиями в формулировках. Больше хадисов на эту тему можно найти в книгах, посвященных различным чтениям Корана, особенно во вступлении к Ибн ал-Джазари (ум. 833 г. х./1429 г.), *Такриб ан-нашр фи-л-кира'ат ал-'ашр* / под ред. Ибрахима Атва Авада (Каир: Дар ал-хадис, 1966). С. 47–51.

24. По одной из версий, он встретил Гавриила «на скалах ал-Мара'», что является отсылкой к горе в Куба'.

25. Передано ат-Тирмизи от Убаййа ибн Ка'ба.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТАБЛИЦЫ

Т а б л и ц а 1

Сравнение новых коранических конструкций с повседневным арабским языком

Кораническая конструкция	Конструкция из повседневного арабского	Русский перевод
<i>ман за аллази</i>	<i>ман аллази</i>	Кто это, который?..
<i>хал 'асайтум</i>	<i>хал йунтазару минкум</i>	Могли бы вы?..
<i>фа из лам йа'ту</i>	<i>фа ма даму 'аджизин 'ан ан йа'ту</i>	Если они неспособны принести...
<i>ба'да из</i>	<i>ба'да ан</i>	После того как...
<i>ва казалика джа'ална</i>	<i>ва хаказа джа'ална</i>	Так Мы сделали...
<i>ва инна куллан ламма</i>	<i>ва куллу вахидин минхум</i>	Каждый из них...
<i>ин када ла йудиллуна</i>	<i>када ан йудиллана</i>	Он чуть не обманул нас...
<i>а-ва лау джи'тука</i>	<i>хатта ин джи'тука</i>	Даже если я принесу вам...
<i>фа ламма ан джа'а</i>	<i>фа ламма джа'а</i>	Когда он пришел...
<i>инна ла нахну-л-галибун</i>	<i>иннана са-наглибухум</i>	Мы поразим их...
<i>фи-ма хахуна аминин</i>	<i>аминин хуна</i>	[Вы] здесь в безопасности...
<i>каллилан ма</i>	<i>ма акалла</i>	Редко...

Двенадцать новых конструкций в суре «Завернувшийся»

Кораническое выражение	Перевод	Аят
<i>фа залика йаума 'изин</i>	то день тот будет...	9
<i>калла иннаху</i>	Но нет! Он...	16
<i>фа кутила кайфа</i>	Да сгинет он!	19
<i>сумма кутила кайфа</i>	Да сгинет он еще раз!	20
<i>ин хаза илла</i>	Это — не что иное...	24
<i>ва ма адрака ма</i>	Откуда ты мог знать, что...	27
<i>казалика йудиллу</i>	Так Аллах вводит в заблуждение...	31
<i>калла ва-л-камари</i>	О да! Клянусь луной!	32
<i>лам наку мин</i>	Мы не были в числе тех...	43
<i>фа ма лахум 'ан</i>	Что же с ними?	49
<i>калла бал ла</i>	Но нет! Они не...	53
<i>илла ан йаша' [Аллах]</i>	если этого не пожелает Аллах...	56

Новые выражения из суры «Завернувшийся»

№	Коранические выражения	Перевод	Айат
1	йа аййуха ал-муддассир	О завернувшийся!	1
2	кум фа анзир	Встань и увещей!	2
3	ва раббака фа каббир	Господа своего величай!	3
4	ва сийбака фа таххир	Одежды свои очисти!	4
5	ва-р-руджза фа-хджур	Идолы сторонись!	5
6	ва ла тамнун тастаксир	Не оказывай милости, чтобы получить большее!	6
7	ва ли раббика фа-сбир	Ради Господа твоего будь терпелив!	7
8	фа иза нукира фи-н-накур	Когда же протрубят в рог,	8
9	йаумун 'асир	то день тот будет Днем тяжким,	9
10	'ала-л-кафирина гайру йасир	нелегким для неверующих.	10
11	зарни ва ман халакту ва-хидан	Оставь Меня с тем, кого Я сотворил одиноким	11

№	Коранические выражения	Перевод	Айат
12	ва джа'алту лаху малан	даровал ему большое богатство	12
13	малан мамдудан	большое богатство	12
14	банина шухудан	сыновей, которые находились рядом с ним	13
15	маххадту лаху тамхидан	распростер перед ним этот мир полностью	14
16	йатма'у ан азид	он желает, чтобы Я добавил ему	15
17	кана ли айатина 'анидан	Он упрямо отрицает Наши знамения	16
18	са-урхикуху са'удан	Я возложу на него подьем	17
19	факкара ва каддара	Он подумал и рассчитал	18
20	факутила кайфа каддар	Да сгинет он! Как он рассчитал?!	19
21	'абаса ва басара	Затем он нахмурился и насупился	22
22	адбара ва-стакбара	он повернулся спиной и возгордился	23
23	сихрун йу'сар	пересказанное колдовство	24

№	Коранические выражения	Перевод	Аят
24	<i>са-услихи сакар</i>	Я брошу его в Преисподнюю	26
25	<i>ла тубки ва ла тазар</i>	Она не щадит и не оставляет	28
26	<i>лаввахатун ли-л-башар</i>	Она сжигает кожу	29
27	<i>асхаба-н-нар</i>	Стражами Огня	31
28	<i>ва ма джа'ална 'иддата-хум</i>	количество их сделали	31
29	<i>фитнатан ли-ллазина кафару</i>	искушением для неверующих	31
30	<i>аллазина уту-л-китаб</i>	удостоверились те, кому было даровано Писание	31
31	<i>йазада-ллазина аману иманан</i>	чтобы усилилась вера у верующих	31
32	<i>фи кулубихим марадун</i>	те, чьи сердца поражены недугом	31
33	<i>(маза) арада-Ллаху би хаза масалян</i>	Что хотел Аллах этой притчей?	31

№	Коранические выражения	Перевод	Аят
34	йудиллу-Плаху ман йаша'	Так Аллах вводит в заблуждение	31
35	ва йахди ман йаша'	и ведет прямым путем кого пожелает	31
36	джунуда раббика	Воинство твоего Господа	31
37	зикра ли-л-башар	Напоминание для человечества	31
38	калла ва-л-камар	О да! Клянусь луной!	32
39	ва-л-лайли из адбар	Клянусь ночью, когда она отступает!	33
40	ва-с-субхи иза асфар	Клянусь зарей, когда она занимается!	34
41	ла ихда-л-кубар	одно из величайших явлений	35
42	назиран ли-л-башар	предостерегающее человечество	36
43	ан йатакаддама ау йата'аххар	продвигаться вперед благодаря праведным деяниям или отступить назад, совершая грехи	37
44	бима касабат рахина	является заложником того, что он приобрел	38

№	Коранические выражения	Перевод	Аят
45	<i>асхаба-л-йамин</i>	людей правой стороны	39
46	<i>фи джаннатин йата-са'алун</i>	В Райских садах они будут расспрашивать друг друга	40
47	<i>йатаса'алун 'ан ал-муд-жримин</i>	они будут расспрашивать друг друга о грешниках	40-41
48	<i>ма салакакум фи сакар</i>	Что привело вас в Преисподнюю?	42
49	<i>лам наку мин ал-мусалин</i>	Мы не были в числе тех, которые совершали намаз	43
50	<i>ва лам наку нут'им ал-мискин</i>	Мы не кормили бедняков	44
51	<i>нахуду ма'а-л-ха'идин</i>	Мы погрузались в словоблудие вместе с погрузавшимися	45
52	<i>йаума-д-дин</i>	Последний день	46
53	<i>нуказзибу би йауми-д-дин</i>	Мы считали ложью Последний день	46

№	Коранические выражения	Перевод	Аят
54	<i>атана-л-йакин</i>	пока к нам не явилась убежденность (смерть)	47
55	<i>шафа'ату-ш-шафи'ин</i>	Заступничество заступников не поможет им	48
56	<i>'ан ат-тазкирати му'ридин</i>	Почему они уклоняются от Назидания	49
57	<i>хумурун мустанфира</i>	напуганные ослы	50
58	<i>фаррат мин касвара</i>	бегущие от стрелка (или льва)	51
59	<i>йу'tа сухуфан мунашиш-ра</i>	получить развернутые свитки	52
60	<i>ла йахафун ал-ахира</i>	Они не боятся Последней жизни	53
61	<i>иннаху тазкира</i>	Это есть Назидание	54
62	<i>фа ман ша'а закара</i>	Помянет его тот, кто захочет	55
63	<i>йаша'у-Ллаху</i>	если этого не пожелает Аллах	56
64	<i>ахлу-т-таква</i>	Тот, Кто достоин страха	56
65	<i>ахлу-л-магфира</i>	способен на прощение	56

**Риторическая классификация выражений, которые используются
в суре «Завернувшийся»**

Выражение	Перевод	Аят	Риторическая классификация
<i>уа сийабака фа тах-хир</i>	Одежды свои очищай!	4	Метафора (слово «одежда» используется для обозначения внутренней сущности человека)
<i>са-урхикуху са'удан</i>	Я возложу на него подъем	17	Метонимия или аллюзия, отсылающая к большим страданиям, природы которых не уточняется
<i>адбара ва-стакбара</i>	Затем он повернулся спиной и возгордился	23	Метонимия или аллюзия, выражение «повернулся спиной» связано с актом отречения или отказа
<i>кафару</i>	неверующие	31	Метафора, в которой отрицание истины связано с актом покрытия сознания

Выражение	Перевод	Аят	Риторическая классификация
			(глагол <i>кафара</i> первоначально означал 'покрывать' или 'скрывать')
<i>йудиллу-Ллаху ман йаша'у</i>	вводит в заблуждение кого пожелает	31	Сравнение, в котором побуждение к неверию или его дозволение сравнивается с ведением кого-то по ложному пути
<i>йахди ман йаша'у</i>	ведет прямым путем кого пожелает	31	Сравнение, в котором побуждение к вере или ее дозволение сравниваются с ведением кого-то по верному пути
<i>ва-с-субхи иза асфара</i>	Клянись зарей, когда она занимается!	34	Сравнение, в котором зоря сравнивается с «открытием» ночи (слово <i>асфара</i>

Выражение	Перевод	Аят	Риторическая классификация
			означает 'открывать' или 'устанавливать')
<i>куллу нафсин бима ка-сабат рахина</i>	Каждый человек является заложником того, что он приобрел	38	Сравнение, в котором человек оказывается буквально в плену собственных поступков
<i>асхаб ал-йамин</i>	людей правой стороны	39	Метонимия или аллюзия, отсылающая к обитателям Рая
<i>ат-таква</i>	Тот, Кто достоин страха	56	Аллюзия или символ страха перед наказанием Бога, проявляющегося в праведных делах (существительное <i>ат-таква</i> происходит от корня 'страх' или 'опасение')

**Некоторые «открытые» слова или выражения
из суры «Завернувшийся»**

«Открытые» слова или выражения	Перевод	Аят
<i>кум фа анзир</i>	Встань и увещевай!	2
<i>ва раббака фа каббир.</i>	Господа своего величай!	3
<i>ва-р-руджза фа-хджур</i>	Идолов сторонись!	5
<i>ва ла тамнун тастаксир</i>	Не оказывай милости, чтобы получить больше!	6
<i>ва банина шухуда</i>	и сыновей, которые находились рядом с ним	13
<i>ва маххадту лаху там-хид</i>	и распростер перед ним этот мир полностью	14

«Открытые» слова или выражения	Перевод	Аят
<i>калла</i>	Но нет!	16
<i>лавахахун ли-л-башар</i>	Она скигает кожу	29
<i>ли-ман ша'а минкум ан йатакаддама ау йата'ах- хар.</i>	тех из вас, кто желает продвигаться вперед благодаря праведным деяниям или отступить назад, совершая грехи	37
<i>илла асхаби-л-йамин</i>	кроме людей правой стороны	39
<i>на'хузу ма'а-л-ха'ид'ин</i>	Мы погружались в словоблудие вместе с по- гружавшимися	45
<i>ан йу'та сухуфан мунаш- шара</i>	получить развернутые свитки	52
<i>хува ахлу-т-таква</i>	Тот, Кто достоин страха	56

ИЗБРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Следующий перечень не включает сборники хадисов, словари, энциклопедии, работы по грамматике и языковедению или комментарии к Корану, на которые мы не ссылались в этом исследовании. Он также не включает многочисленные энциклопедии в дисковом формате, на которые мы опираемся, в частности, энциклопедии Священного Корана, пророческих хадисов и арабской поэзии, например, издания 1998, 2000 и 2003 гг. важной энциклопедии (на диске), составленной культурной академией Объединенных Арабских Эмиратов.

Арабоязычные источники

Ал-Алвани, Таха Джабир. *Нахва Маукиф Кур'ани мин ан-насх* (Каир: Мактабат аш-шурук ад-давлийя, 2007).

Ал-Ансари, Ахмад Макки. *Назариййа ан-нахв ал-кур'ани* (Джидда: Дар ал-кибла, 1405/1984).

Ал-Асбахани, Абу Бакр Ахмад ибн ал-Хусайн. *Ал-мабсут фи-л-кира'ат ал-'Ашар* / под ред. Субайа Хамзы Хакими (Джидда: Дар ал-кибла и Бейрут: Муассасат 'улум ал-Кур'ан, 1995).

Ал-Бакиллани, ал-Кади Абу Бакр Мухаммад ибн ат-Таййиб. *Иджаз ал-Кур'ан* / под ред. Салаха ибн Увайды (Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 2001).

Ал-Фарахи, 'Абд ал-Хамид. *Тафсир низам ал-Кур'ан ва тавил ал-фуркан би-л-фуркан* (Индия: Ад-да'ира ал-хамидиййа, 2000).

Ибн ал-Джазари, Мухаммад ибн Мухаммад. *Такриб ан-нашр фи-л-кира'ат ал-'ашр* / под ред. Ибрахима Атва Авада (Каир: Дар ал-хадис, 1996).

Ал-Джурджани, 'Абд ал-Кахир. *Дала'ил ал-и'джаз* / комментарии Махмуда Мухаммада Шакира (Каир и Джидда: Дар ал-мадани, 1992).

Ал-китаб ал-мукаддас (Бейрут: Дар ал-китаб ал-мукаддас фи-ш-шарк ал-аусат, 2004).

Ал-китаб ал-мукаддас (Дар ал-китаб ал-мукаддас фи-л-'алам ал-'араби, 1981).

Ал-Каттан, Мана. *Мабахис фи-л-'улум ал-Кур'ан* (Бейрут: Му'ассасат ар-рисала, 1998).

Ар-Рази, ал-Фахр. *Ат-тафсир ал-кабир* (Бейрут: Дар ихйа' ат-турас ал-'араби, 2001).

Ас-Сакаки, Абу Йа'куб Йусуф. *Мифтах ал-'улум* / под ред. 'Абд ал-Хамида Хиндави (Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмиййа, 2000).

Аш-Шаукани, Мухаммад ибн 'Али. *Фатх ал-Кадир: ал-Джами' байна фаннай ар-ривайа ва-д-дирайа мин 'илм ат-тафсир* (Каир: Дар ал-фикр, без даты).

Ас-Суйути, Джалал ад-дин. *Ал-иткан фи-л-'улум ал-Кур'ан* / под ред. Мухаммада Салима Хашима (Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмиййа, 2003).

Джами' ал-ахадис ли-л-масанид ва-л-марасил / составлено Ахмадом 'Абд ал-Джаввадом и 'Аббасом Ахмадом Сакром (Дамаск: Матба'ат Мухаммад Хашим ал-Кутуби, 1981).

Удайма, Мухаммад 'Абд ал-Халик. *Дирасат ли-услуг ал-Кур'ан ал-карим* (Каир: Дар ал-хадис, 2004).

Аз-Заркаши, Бадр ад-дин Мухаммад б. Бахадир. *Ал-бурхан фи 'улум ал-Кур'ан* / под ред. Мухаммада Абу ал-

Фадла Ибрахима (Каир: Дар ихйа' ал-кутуб ал-'арабиййа, 1958).

Аз-Зайид, Самира. *Мухтасар ал-Джами' фи-с-сира ан-набавиййа* (Дамаск: Ал-матба'а ал-'илмиййа, 1958).

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Asad, Muhammad. *The Message of the Qur'an* (Bristol, England: The Book Foundation, 2003). Vol. 5.

The Bible. King James Version (London: Collins' Clear-Type Press, 1950).

Good News for Modern Man: The New Testament in Today's English Version (American Bible Society, 1966).

The Holy Bible. Revised Standard Version (Division of Christian Education of the National Council of the Churches of Christ in the U. S. A. Great Britain, 1971).

The Holy Bible (London: Trinitarian Bible Society, 2000).

Islahi, Amin Ahsan. *Pondering over the Qur'an*, trans. M. S. Kayani (London, 2003).

Lang, Jeffrey. *Even Angels Ask: A Journey to Islam in America* (Beltsville, MA: Amana Publications, 1997).

Luxenberg, Christoph. *The Syro-Aramaic Reading of the Koran: A Contribution to the Decoding of the Language of the Koran*. English Edition (Germany, 2007).

Murry, Middleton. *The Problem of Style* [1922] (London: Oxford Paperbacks, 1960).

Бассам Са'и

ЧУДЕСНЫЙ ЯЗЫК КОРАНА

***Свидетельство Божественного
происхождения***

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Ответственный редактор — *О. И. Трофимова*
Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*
Дизайн обложки — *И. Т. Картвелишвили*

Подписано в печать 20.02.2022. Формат 70×100 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 5 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 113

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская,
д. 8, офис 14
web-site: www.litobook.ru
e-mail: info@litobook.ru

Серия «Мир современного ислама» знакомит российского читателя с серией «Books-in-Brief», которая является собранием главных изданий Международного института исламской мысли, представленных в кратком изложении. Облегченный формат позволяет сэкономить время, однако дает читателю реальную возможность составить впечатление о полной версии каждой книги и помогает проникнуть в суть оригинала.

МИР СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМА

ВЫПУСК 1

ISBN 978-5-85803-561-9

Серия
«МИР СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМА»
Вып. 1 (СПб., 2021):

Книга для чтения в постпривычное время

Али Сулейман Али.

Краткое вступление к толкованию Корана

Современные подходы к Корану и Сунне

Саид Шаббар. Иджтихад и обновление

Энн Эл-Мослимани. Обучение детей: моральный, духовный и целостный подход к развитию образования

Хаггаг Али. Картография светского разума: эпоха модерна в поисках атеистической утопии

Басма И. Абдельгафар.

Государственная политика вне доктрин традиционной юриспруденции: подход, основанный на целях (макасид)

Зияуддин Сардар, Джереми Хенцель-Томас.
Осмысление реформы высшего образования: от исламизации к интеграции знаний

Таха Джабир ал-Алвани.

Восстановление баланса:
авторитет Корана и статус Сунны

В издательстве
«Петербургское Востоковедение»
готовится к изданию книга

Балил 'Абд ал-Карим.
**ТЕРМИНОЛОГИЯ КОРАНА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**
СПб., 2022. 216 с.

Нет способа правильно понять Коран или разъяснить значение его аятов настолько точно, насколько это возможно, не изучив кораническую терминологию и соответствующие понятия. Вместе они не только суммируют универсальные истины исламской религии (великий моральный код), но также оживляют коранический текст, придавая ему жизненность, точность и гибкость.

Настоящее исследование имеет целью предоставить обширный словарь ключевых терминов Корана и установить значения этих терминов как семантически, так и лингвистически — в их кораническом контексте. Книга сделана в ключе, облегчающем понимание коранического текста. Автор последовательно и логично направляет читателя-непрофессионала через различные нюансы использования терминов и их значений, находящихся в зависимости от контекста, а равно проблем и вопросов, по отношению к которым эти термины используются.

Всё это позволяет лучше понять глубину Корана и то, что делает его лингвистическим и литературным чудом.

В издательстве
«Петербургское Востоковедение»
готовится к изданию книга

Ахмад Исса и Усман Али.
**ИСЛАМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВКЛАД
МУСУЛЬМАН В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ**
СПб., 2022. 304 с.

Настоящее исследование опирается на труды западных ученых в стремлении доказать, что без огромного вклада мусульманского мира эпоха Возрождения в Европе едва ли была возможна. В течение тысячи лет ислам был религией, определявшей лицо одной из ведущих мировых цивилизаций, которая охватывала географическую территорию намного большую, нежели любая другая. Эта цивилизация спасла знания, которые были бы утрачены — когда бы не исламский мир — навсегда.

Авторы предпринимают убедительную попытку исправить историческую несправедливость и восстановить те истины, что касаются золотого века, возвестившего начало исламского Ренессанса и наступление этой эпохи на Западе, соответственно.

Мы полагаем, что эта книга будет интересна как ученым, занимающимся эпохой Возрождения, так и более широкому читателю.

На протяжении истории мусульманские ученые много писали как об эстетических элементах чудесного языка Корана, так и об иных литературных особенностях, содержании и поразительных научных тайнах аятов. Однако никто еще не пытался осветить то, что автор определяет как тайный аспект коранического языка, о котором мусульмане почти не задумываются, воспринимая Откровение как нечто привычное и давно знакомое. Этот тайный аспект заключается в следующем: хоть Коран был ниспослан на арабском языке, но в то же самое время это был новый арабский язык — удивительный для арабов, услышавших его впервые. Исследование того, в чем заключалась эта новизна, и является целью данной книги.

ISBN 978-5-65803-566-2

9 785658 103566 2